

Виталий Поршнев

Без Родины

роман

18+

Виталий Поршнеv

Без Родины

«Автор»

2026

Поршнеv В.

Без Родины / В. Поршнеv — «Автор», 2026

ВСЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ АВТОРА СОДЕРЖАТ УПОМИНАНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ ВЕЩЕСТВ. 18+ НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЁН И ВЛЕЧЁТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Роман написан в жанре классической прозы, состоит из двух частей. Первая часть: события зимы 1991 года. Главному герою 30 лет, он на личном автомобиле уезжает в Россию, спасаясь от национальных волнений в бывшей республике СССР. В Калужской области находит уехавшего с семьей ранее, друга детства Сашу. У него Григорий Алексеевич собирается спросить совета – как ему обустроить новую жизнь. Однако сразу после встречи у Росланова случается сильное расстройство здоровья, он попадает в местную больницу. Где и начинает знакомиться с российской «глубинкой» того времени. Григорию Алексеевичу, хотя его мучает тоска по оставленной родине, всё кажется интересным. Он быстро сходится с людьми и заводит приятельские отношения.

© Поршнеv В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ЧАСТЬ 1.	5
ГЛАВА ПЕРВАЯ.	5
ГЛАВА ВТОРАЯ.	7
ГЛАВА ТРЕТЬЯ.	9
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.	11
ГЛАВА ПЯТАЯ.	13
ГЛАВА ШЕСТАЯ.	17
ГЛАВА СЕДЬМАЯ.	20
ГЛАВА ВОСЬМАЯ.	24
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.	31
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.	35
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.	38
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ.	45
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.	51
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.	53
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Виталий Поршневу

Без Родины

ЧАСТЬ 1.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Моя машина движется по широкой трассе, уходящей на горизонте в синее небо с неподвижными нежно-белыми облаками. Дорожный щит на обочине указывает направление в Калужскую область, куда я и держу путь. Неожиданно мне сигналил водитель встречной машины. Нарушил, каюсь! Но я за рулем вторые сутки, и соблюдать правила уже не могу.

Время года – осень. С деревьев опадают пожелтевшие листья, нагоняя тоску. Я – русский, а впервые в России. В качестве беженца «на историческую родину». Империя СССР ассоциировалась у меня со словами из детской песенки: «везде тебя ждет товарищ и друг». Не знаю, кто и где меня теперь ждет, но точно могу сказать, что за моей спиной друзей уже не осталось!

А ведь все в моем родном крае было хорошо, начиная с первой любви и кончая работой «не хуже-чем-у других». Пока! Пока в родном городе не появились националисты и не стали собираться на митинги. На митингах они делили мою родину, проводя по ней новые границы и раскрашивая землю в неизвестные мне, «национальные» цвета.

Я не желал признавать границ, а тем более, краситься. Так и ходил, ни белый, ни зеленый, никакой-нибудь там еще. Когда спрашивали – отвечал, что хочу остаться нормального, человеческого цвета. Кое-кому мое упрямство надоело, и мне об этом сообщили. По телефону. Либо, сказали, ты сам подкрасишься, либо мы тебя. И уточнили: «твоей же кровью».

Затем появились танки, БТР с пехотой на броне и комендантский час. По городу не пройдешь – на улицах войсковые патрули щупают, как девицу, а в подворотне бородатые националисты угрожающе смотрят в упор.

Отец от сердечного приступа умер. Скорая помощь на вызов не приехала, у нас фамилия оказалась неподходящей. За это я возненавидел мой город. После поминок дом заколотил, вещи сложил в машину, и вот спидометр монотонно отсчитывает километры. Россия, принимаешь ли ты русских под свои крылья? Я тяжело вздыхаю.

Цель моего путешествия – найти друга детства Сашу. Помня строчки из его письма, я сворачиваю на бетонную дорогу, еду вдоль зеленого забора с верхом из колючей проволоки и останавливаюсь на стоянке, возле аккуратной проходной. Недалеко от меня, между прочими машинами, я вижу Сашкины «Жигули» канареечного цвета, и радуюсь. Похоже, приехал!

Часы над проходной показывают конец рабочего дня, и почти сразу работники оборонного предприятия начинают крутить вертушку на выходе. Волнуясь, я ищу взглядом Сашу. Наконец, замечаю, как коротко стриженный парень среднего роста отделяется от идущих на автобусную остановку людей и направляется к своему автомобилю.

– Саша, Саша! – кричу я и машу рукой.

– Гриша! – восторженно восклицает Саша, и, подбежав, крепко обнимает меня.

– Саша, не тискай меня так, еле стою! – засмеявшись, говорю я, – устал, мочи нет!

Саша проявляет милость и разжимает руки:

– Ну что, что может быть лучше старого друга? Раз я вижу тебя здесь, в России, значит, мечты сбываются не только во сне!

– Лучше...– я достаю пачку сигарет и говорю Саше, – лучше бы мы встретились дома, как в старые добрые времена.

Сашка просит у меня сигарету. Разминая ее пальцами, произносит:

– Гриша, мой дом теперь тут. Очень надеюсь, что и твой будет неподалеку. Как в старые и добрые. Кстати, как у нас там?

Коротко пересказывая новости, я разглядываю Сашу. Мой друг сильно изменился с тех пор, как мы расстались. Из карих глаз исчезла жизнерадостность, слова произносит с непривычным мне ударением. Лишь привычка жестикулировать при разговоре осталась без изменений. Едва я говорю ему, что не спал в дороге, он складывает руки лодочкой, прижимает их к сердцу и только потом говорит:

– Действительно, отдохнешь, тогда наболтаемся! Поехали в местную гостиницу, я там койку для тебя забронировал. Знакомая из райкома помогла. Ты же знаешь, у меня места нет, снимаю пол – избы у сумасшедшей бабки!

Двухэтажная деревянная гостиница, как в прочем, и сам райцентр, производит на меня не самое лучшее впечатление. Возможно оттого, что усталость сказывается, и я воспринимаю события в искаженной перспективе, будто выпил лишку. Нервное возбуждение после встречи с Сашкой прошло, и от понимания, что конечная цель путешествия достигнута, меня сковывает апатия. Появляется такой свинец в мышцах, что хочется лечь на пол в коридоре сельского «отеля», где грязно и воняет туалетом.

Саша, переговорив с администратором, ведет меня в номер, где указывает на кровать с ржавой сеткой. Разложив матрац, я падаю на него и смотрю, как шевелятся Сашкины губы, сообщая мне что-то важное. К сожалению, мой мозг уже ничего не воспринимает. Усилием воли я пытаюсь отдать Саше ключи от машины, однако роняю их на пол. Веки смыкаются, и сон пожирает меня в свое темное брюхо...

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Сон! Сон-прострация, сон-смерть, сон-падение в ад. Он опять терзает меня, демон зла. Зачем ты вспомнил обо мне? Тебе мало, что ты отнял у меня родину? Мою Родину! Что я без нее? Что она без меня?

Учеба в Политехническом институте традиционно заканчивается тремя месяцами армейского счастья. У нас летние сборы, мы в военном лагере посреди безжизненной пустыни на границе с Ираном. Наш командир – разжиревший на службе подполковник родом из Риги. На него страшно смотреть: по его огромной туше обильно течет пот. Он измучен, страдает от жары днем и ночью, и сейчас, сидя на канистре с водой в тени боевой машины, вымещает свое страдание на нас. А мы – я и Эльдар, стоим под солнцем в кирзовых сапогах на обжигающем песке, и в нашей фляжке на двоих остался последний глоток. Это наш глоток, это наш песок. Подполковник злится, ему не понять, почему мы смеемся. Все просто: в родной пустыне и жара не тяготит!

А вечером, после отбоя, лежа на нарах в казарме, триста просоленных молодых мужчин дружно поют об этой прекрасной земле на всех языках, что ее населяют, и две гитары – моя и Эльдара звучат, как один инструмент.

Тот глоток мы разделили, даже не подозревая, что он, по воле случая, был тем последним, что нам суждено было разделить по-братски. Все остальное делили так: небо и земля – Эльдара. Море и дома из известняка – тоже его. Мои: кровь, страх, пуля в спину, похороны тайком. И, конечно же, «проклятые русские».

Лишь черная полоса с нового трехцветного флага над городом, наша. Нет, не общая, а и его, и моя. Тонкость, которая вряд ли понятна со стороны.

Этот сон обычно продолжается так: Эльдар подлетает ко мне, сидя на двух пустых гробах, свежих, из необструганных досок. Слезает с них, открывает крышки и произносит:

– Выбирай, какой хочешь! На моей земле ты можешь быть лишь тут. И учти, выбирать я предлагаю только тебе, исключительно по старой дружбе. Другие о таком даже мечтать не смеют! Так что?

Вместо ответа я с укоризной смотрю ему в глаза. Эльдар усмехается, нарочито пожимает плечами. Говорит, что я прав – выбирать должен он, он на своей земле. С издевкой смеется, ловко запрыгивает в один из гробов, и резко, будто люк боевой машины, захлопывает его крышку. Сразу же из пустот между досками появляются окровавленные руки. Они ищут меня, чтобы запихнуть во второй, пока еще пустой гроб. От ужаса я хочу закричать, и кричу изо всех сил...

Всегда так кричу, в разбитое моей рукой окно, прежде чем побежать вниз по лестнице с четвертого этажа. Успеть, успеть туда, где в ущелье улицы, на сорванной с петель жилого дома двери, бородатые националисты насилуют белое детское тельце. Ступени даются так медленно, что кажется, будто я не спускаюсь, а поднимаюсь. Добежав до проходной нашего учреждения, я обнаруживаю, что она закрыта, а вахтер, испугавшись беспорядков, спрятался – не найдешь. Вырваться из здания удастся только через запасной выход, и оказывается, что уже поздно: на улице пусто, а насильники удаляются по проспекту на машине. Из закрытого багажника легковушки торчит, развеиваясь на ветру, косичка с развязавшимся сиреневым бантом. Я оседаю на корточки и тупо смотрю перед собой, на оставленную насильниками дверь, с пятнами крови и семенем порока. Эх, Эльдар, Эльдар, какие ты оставляешь следы!

Далее во сне я неожиданно переносюсь на кладбище с православными крестами, где в ночном небе рядом с полумесяцем горит яркая восточная звезда. Я иду, держа в руках венок: «Любимому папе...». Вот я к отцу пришел, и я хочу покой!

– Гриша! Гриша! Очнись! – вдруг слышу я, и открываю глаза. В номере гостиницы встревоженный Сашка и доктор в белом халате с мрачным лицом. Похоже, они собираются помешать моей встрече с отцом. Миленькие, хорошенькие мои, не надо меня спасать, я хочу вернуться в мой город!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Больница. Специфический запах хлорки и лекарств, высокий, давно не беленый потолок, блеклые зеленые стены и частые двери с номерами палат. Я лежу под казенным одеялом на скрипучей металлической кровати. У моих ног, положив руки на никелированную спинку, стоит полная, смуглая молодая женщина с красиво уложенными черными волосами. Она в упор разглядывает меня. После попытки улыбнуться я говорю слабым голосом:

– Лена, ты так смотришь, словно ничего интереснее в жизни не видела!

– Да вот, думаю о том, Гриша, что ты парень хороший, но почти всегда создаешь мне проблемы. А теперь валяешься тут с ужасно хворым лицом, и напрашивается вывод, что заболел ты надолго, – она говорит не с упреком, а как бы для себя, задумчиво.

– Лена, если тебе нетрудно, поищи, пожалуйста! – пытаюсь я пошутить.

– Что? – подняв брови, спрашивает она.

– Мою память, пропала куда-то! – говорю я, и издаю нечто похожее на смешок.

– Гриша, твои остроты обычно не смешны, и эта еще и глупа! – вместо ожидаемой улыбки, говорит Лена.

– Жена друга, я знаю, что отношения у нас не очень, но зачем ты обо мне так, и на всю палату! Я всего-навсего решил поменять тему!

– Это не палата, а коридор. В палатах для таких выдающихся личностей, как ты, мест нет! – не без иронии произносит Лена.

Сбитый с толку, я осматриваюсь лучше. Действительно, коридор, а вернее, холл для просмотра телепрограмм. Однако телевизора нет, вместо него стоят кровати с больными. Моя койка последняя в ряду, от соседа меня отделяет проход к окну и тумбочка. Что ж, окно – это хорошо! Свежий воздух, светло!

Наконец я вспоминаю, как оказался в больнице, и задаю вопросы:

– Лена, а моя машина где? А Сашка?

– Твоя машина возле нашей избы стоит. Сашка поехал в Москву за лекарством для маленькой. Приедет, придет сюда. У нас дети болеют, а муж возле тебя вторую ночь сидеть собирается. Такие дела! Ладно, извини, я не попрекать тебя пришла, а поесть принесла. Кушай и выздоравливай! Мне пора! – стараясь быть ласковой, говорит она, кладет на мою тумбочку полиэтиленовый пакет и уходит.

Я смотрю, как она исчезает в полутьме коридора. Лена очень хорошая женщина, и прекрасная жена Сашке, но меня на дух не переносит. Наверное, потому, что Саша весьма охоч до сторонних развлечений, а подставляет под гнев Лены обычно меня, сочиняя различные фантастические истории.

Я хочу выглянуть в окно, и пытаюсь для этого подняться. Но со мною происходит нечто плохое: легкие сжимаются, и я, похожий на умирающую от удушья рыбу, падаю обратно. Мой вид настолько красноречив, что больной с соседней койки, едва глянув на меня, вскакивает со своей кровати и бежит к двери с надписью «процедурная».

Мне становится легче после кислородной подушки. Со мною возится уже знакомый мне, «хмурый» врач. Он делает внутривенные уколы и ругает больничное начальство. Говорит, что таким тяжелым больным нужно лежать в больнице города Обнинска, а не здесь, в сельской терапии.

– Какой у меня диагноз? – с хрипом дыша, спрашиваю я.

– Тяжелая форма аллергии при... имеющейся бронхиальной астме? – врач вопросительно смотрит на меня. Я согласно киваю. Он не ошибся, от астмы я страдаю с детства.

Через несколько минут приступ окончательно проходит. От лекарств с усыпляющим эффектом мои глаза закрываются, и я вижу новый для меня сон. Звездной ночью я стою перед входом в разрушенную временем церковь. Сквозь пустые оконные проемы видны отблески горящих в храме свечей, слышится тихое чтение псалтири. Я осеняю себя крестным знаменем, и, перепрыгнув яму перед входом, иду внутрь храма. Здесь холодно так же, как и снаружи, злой ветер гуляет в дырявой крыше, но я ничуть не удивляюсь, увидев нескольких прихожан и батюшку, который их исповедует. На столике лежат свечи. Я хочу взять одну, ищу карман с деньгами, однако обнаруживаю, что в больничной пижаме карманов нет. Я думаю, что без денег брать свечку – нужно спросить у священника. Только он пока занят, и я, перекрестившись, разглядываю фрески с изображениями святых.

Неожиданно священник зовет меня по имени. Удивившись этому, я иду, спотыкаясь о битый кирпич.

– Что это, батюшка, церковь у вас такая... не отремонтированная? – с недоумением спрашиваю я у старца.

Священник удивленно осматривается, словно сам видит церковь впервые, а затем, искрясь духовным весельем, говорит:

– Это она не у меня, а у тебя такая не отремонтированная! Ничего, с божьей помощью справишься! Грешен?

– Да...– я теряюсь от вопроса, – я, отче, не готовился к исповеди. Не знаю, с чего начать! Грешен, разумеется, грешен! И очень...

Я вспоминаю про свою несуразную жизнь, грусть и раскаяние подступают к сердцу, хочется заплакать. Батюшка гладит меня по голове, как отец в детстве, отпускает грехи и благословляет. Мне становится легче дышать, и на этом сон прерывается...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

На следующий день просыпаюсь поздним утром. Открыв глаза, я вижу, что группа медработников осматривает моего соседа. Опираясь на набранный в предыдущих больницах опыт, я догадываюсь, что идет утренний обход. Сосед слушает, на его лице раскаяние, явно показное:

– За три месяца, вы у нас который раз, и все с тем же диагнозом. Нигде не работаете. Ведь у вас жена, ребенок! Больше мы вас лечить не собираемся. Вы алкоголик, человек конченный. А вам всего тридцать лет! – говорит крупный мужчина, судя по тону, зав отделением. Рядом с ним стоит «мой» врач, за ним высокопарная пожилая женщина и молоденькая медсестра с большим количеством папок.

Внезапно интерес к происходящему у меня пропадает: я чувствую необычайное, даже можно сказать, фантастическое чувство голода. Протянув руку, я хватаю с тумбочки принесенный Леной пакет, вытаскиваю стеклянную банку и срываю зубами пластиковую крышку.

В этот момент врачи оставляют затею перевоспитать соседа и перемещаются ко мне. Я слышу:

– Очень тяжелое состояние, необходима консультация пульмонолога ... ой! – это читавшая историю моей болезни медсестра оторвалась от листка бумаги, и вместе со всеми замерла, глядя, как я ем морковные котлеты, облизывая пальцы, словно дикарь.

Вдоволь налюбовавшись на мое поведение, зав. отделением кричит, обращаясь к моему врачу:

– Коллега Головань, безобразие! Ваши больные будут проявлять уважение к медперсоналу, или нет?

Пожилая женщина – врач истеричным голосом вторит начальству:

– Больной, потрясающее нахальство! Вы нарушаете распорядок дня! Прекратите немедленно!

К сожалению, я не могу остановиться, и в коридоре образуется тяжелая тишина. Зав. отделением становится красным, потом багровым, но вместо ожидаемого словесно – административного взрыва, он вдруг, скрипнув зубами, падает на медсестру, от чего папки из ее рук летят в разные стороны.

Минут через пять его уносят на носилках санитары, а я, вздохнув, с сожалением смотрю на дно пустой банки. Видимо, мой взгляд очень выразителен, потому что сосед лезет в тумбочку и щедро одаривает меня своими съестными припасами.

Очищая вареное яйцо от скорлупы, я рассматриваю бескорыстного дарителя. Он не похож на алкоголика. Симпатичный парень, модная стрижка, одежда с «иглочки». Улыбнувшись, он представляется:

– Николай Жуков.

– Рад знакомству. Григорий Россланов, – я краснею. Право, стыдно, за суетой совсем забыл о приличиях.

Сразу после знакомства Николай проникается ко мне особой симпатией: наклонившись поближе, просит одолжить червонец. Я думаю, что ошибся, не так уж он бескорыстен. Только теперь ничего не поделаешь, придется уважить. Вздохнув, я обещаю, что вечером, когда придет Сашка, одолжу. Николай удовлетворенно кивает, и, оставив меня, направляется к больным на дальних койках играть в карты.

Подходит врач Головань и присаживается на краешек моей койки. Я уже сыт и готов говорить о чем угодно, и с кем угодно. В глазах Голованя мелькают озорные огоньки, но тон у него официальный:

– Похоже, у вас заметное улучшение!

– Благодаря вашим стараниям, доктор! – вежливо говорю я.

– Я тут ни при чем! Такой быстрый результат бывает лишь при вмешательстве высших сил! – уверенно произносит Головань.

– А мысль не лишена.., – бормочу я под нос, вспоминая последний сон.

Головань заканчивает слушать мои легкие. Он сообщает, что у меня все хорошо, затем собирает с пола оброненные медсестрой папки и уходит.

Я лежу под капельницей, когда появляется Лена. Я говорю ей комплимент:

– Ленусь, а ты сегодня великолепно смотришься! – что, если честно, ничуть не соответствует истине.

– Спасибо. – Безразлично говорит Лена и усаживается на пустую койку соседа. Внутренний голос подсказывает мне, что она не на минуту.

– Ты как тут оказалась? – спрашиваю я.

– Да через соседку передали записку в аптеку срочно зайти, мол, лекарство привезли. Я пришла, а на двери объявление, что закрыто на санобработку, откроются через час. А сами чай пьют с сушками. Их, с утра, по записи, в хлебном давали, но мало кому досталось. А эти, хрумкуют ими в рабочее время, и даже не посчитали нужным окно занавесить! Зла на них не хватает!

– Ну, Лена, не все так плохо! Ведь теперь, по стечению обстоятельств, ты можешь развлечь меня разговором. Расскажи, как дома?

– Дома, дома... где дом? Комнатенка в бревенчатой халупе у сумасшедшей деревенской бабки. Кошмар! Сахар в банке сам собой исчезает. Утром сварила детям кашу, испекла блины. Сама пошла за молоком. Прихожу, дети еще спят, блинов нет, каши половина. Бабка: «это ваши детки проснулись, поели, и опять спать легли». А дети просыпаются, орут как ненормальные: мама, есть хотим!.. А туалет! Туалет у нас во дворе, бабка заставила Сашку сделать второй: мол, сами ходите. Сашка сделал. Бабка тут же новый закрывает на замок и заставляет бегать в старый. А он весь дырявый, гнилой, и по стенкам мокрицы ползают. Затем: «печь в избе не топите, головка от жара болит, идите готовить и стирать на улицу, к летней печи!»! А к летней разве набегаешься? Дети к таким условиям не привыкли, все время болеют. Я, как вспоминаю наше житье в городе, так слезы полотенцем утираю, – на глазах Лены появляется влага. Чтобы не расплакаться, она резко обрывает речь, и, открыв сумку, начинает выставлять на мою тумбочку баночки. Я вижу, что в них ее «фирменные» кушанья. Из ее рассказа следует, что стряпня для нее сродни подвигу. Я растроган и хочу выразить ей благодарность, однако тут Лена замечает, что капельница у меня давно закончилась, и громко зовет медсестру. Та, не особенно торопясь, приходит. Я с некоторым раздражением в голосе говорю ей:

– Пока вы заняты неизвестно чем, от воздушной эмболии умереть можно!

– У меня дверь в процедурную всегда открыта, я за вами наблюдала! Оттуда хорошо видно! – равнодушно произносит медсестра.

– И слышно! – ядовито добавляет Лена, и, глянув на часы, поднимается. Медсестра измеряет Лену «убийственным» взглядом. Лена, не обращая на нее внимания, машет мне рукой и уходит. Медсестра, хмыкнув в ее адрес, снимает капельницу и тоже оставляет меня.

Очередной сон наступает с такой силой, что я капитулирую перед ним, не издав ни звука...

ГЛАВА ПЯТАЯ.

В моей комнате трещит телефон. Я отвечаю, и с трудом узнаю голос того, кто звонит:

– Гриша, Гриша! Что делать? В микрорайоне массовые погромы! В моей многоэтажке семью убили! Многие дома горят!

– Прежде всего – возьми себя в руки, Костя, ты же мужчина! Затем забаррикадируй входную дверь, выйди на веранду, и смотри на дорогу в город. Жди, я на чем-нибудь за вами приеду. Карина где?

– Тут, со мной. А куда ее спрятать, из квартиры шага не сделаешь, везде националисты, да и некуда! – в телефонной трубке раздаются звуки, похожие на приглушенные рыдания.

Я несколько минут думаю, и прихожу к выводу, что в подобной ситуации возможен лишь один выход: это доставить Костю с сестрой на охраняемый десантниками железнодорожный вокзал, где находится штаб эвакуации беженцев. Однако на своем «Москвиче» я не одолею ни войсковых пикетов, ни «черных» заслонов. Но решение проблемы есть!

Я бегу, не жалея ног, по родному кварталу до нужного мне двора. Перелезаю через забор и радостно улыбаюсь: тут он! Так необходимый мне, известный всем в городе, «УАЗ» Эльдара. На зеленых бортах машины нанесены белой краской надписи, а брезентовый тент крыши раскрашен в цвета народного фронта.

Эльдар настолько уверен в своей популярности и неприкосновенности, что оставляет ключи в замке зажигания. Он прав, наш Эльдарчик, в городе никто не посмеет. Разве что я. Но обо мне, как и обо всех нас, Эльдар давно забыл. Что ж, тем лучше, тем хуже...

Я еду по родному городу на угнанной у Эльдара машине. Год тому назад, скажи, что такое будет, я не поверил бы. А теперь, будто так и должно быть. Впереди мелькает машина патруля, я вспоминаю о документах. Пожалуй, поищу их. Если какие есть, все будет легче, чем совсем ничего. В бардачке я нахожу патроны от охотничьего ружья, под сидением заряженную ракетницу и само ружье. Да, Эльдар, с документами у тебя полный порядок!

Обыскивая машину, я отвлекаюсь, и в повороте едва не сбиваю с ног бородатого автоматчика. Он с проклятиями отпрыгивает, затем снимает автомат с предохранителя и направляет на меня. Я останавливаюсь и наблюдаю в зеркало заднего обзора, как автоматчик размышляет, что ему делать. Мне везет: появляется товарищ бородатого, такой же бородач, и что-то говорит, указывая на надписи по бортам моей машины. Первый, помявшись, опрометчиво закидывает автомат за спину, и оба нерешительно направляются ко мне. Воспользовавшись тем, что оружие мне больше не угрожает, что есть сил, жму на педаль газа.

Удрал от бородачей по узкой кривой улочке, я вылетаю на центральный проспект города с почти космической скоростью. И к своему ужасу, оказываюсь в движущейся колонне БМД. Воздух дрожит от лязга и грохота, гусеницы бронированных машин крушат асфальтовое покрытие со страшной силой. Я какое-то время движусь в этой колонне, между БМД, но потом понимаю, что меня так расплющат броней ударом спереди или сзади. А если начну обгонять колонну или отставать от нее, то из боевых машин, не разбираясь, разнесут мой «УАЗ» в клочки из крупнокалиберных пулеметов. Господи, так какую же смерть мне выбрать?

В этот момент я вижу впереди газетный киоск, и, чуть подумав, резко направляю машину по сложной траектории, между маслиновыми деревьями. После резкого торможения «УАЗ» оказывается за киоском, прикрытый растительностью, насколько возможно в городе. Может быть, мне удастся обождать здесь, когда военная колонна пройдет?

У меня чуть сердце не останавливается, когда я вдруг слышу крик в мегафон:

– Водитель и пассажиры, покиньте машину и постройтесь с поднятыми руками! Водитель и пассажиры...

Я и не заметил, как сзади ко мне подкрался войсковой «УАЗ», видимо, из сопровождения бронированной колонны, весь оцетинившийся автоматными стволами, как еж колючками. На раскраску моей машины им плевать, Эльдара, естественно, они не знают. «Так что, все, приехал!» – думаю я.

Однако меня заметили не только военные, но и боевики народного фронта. Они решают оказать мне помощь: трассирующая пулеметная очередь с крыши высотного здания, от противоположной стороны проспекта, разбивает на тысячу осколков витрину киоска, и, ударив в землю перед «УАЗом» военных, вслед за этим чиркает пулями по колонне. Несколько БМД сразу занимают боевую позицию. Воспользовавшись тем, что обо мне на мгновение забыли, я трогаюсь с места и быстро сворачиваю в ближайший проулок. Тут мне помогает хорошее знание города. Внутренние проезды между домами расположены параллельно проспекту, и в них можно двигаться в нужном мне направлении. К сожалению, они не соединены друг с другом, и мне приходится, для того, чтобы попасть в следующий проезд, периодически возвращаться на проспект.

Это невозможно описать, какое напряжение я испытываю при таком вождении! Мечусь, как кусочек масла на раскаленной сковородке. Рискуя нарваться на любое препятствие, я бешено разгоняюсь в проезде, затем с визгом тормозов совершаю поворот на проспект. Там, выпучив глаза от напряжения, я лавирую между плотно движущимися БМД, дрожа даже от вида собственной тени.

Неожиданно я вижу в зеркало обзора, что у меня на хвосте объявился войсковой «УАЗ».

Настиг все-таки! При таком раскладе мне больше нечего делать во дворах, меня в них «закроют». Я вынужденно начинаю «вальсировать» на проспекте. Раз-два, я справа от БМД, войсковой «УАЗ» слева. Три-четыре, поменялись местами. Эх, преследователи не отстают! Что ж мне делать? Неужели сейчас поймают?

Но тут, похоже, войска получают по рации какой-то приказ: вся колонна вдруг, лязгая траками, останавливается, а идущий первым БМД резко разворачивается поперек проспекта. Невероятно, но мне сегодня везет, как никогда: водила – первогодок в «Уазе» моих преследователей неправильно рассчитывает маневр. Их «УАЗ» по касательной бьётся о броню БМД и летит куда-то в сторону. А я благополучно ускользаю, свернув на нужную мне улицу, до которой с таким трудом, но все-таки добрался!

Слегка остыв от погони, я с огорчением думаю, что в том «Уазе» были русские, и, возможно, кто-то ранен. У сердца неприятно колет. «Незначительным волнениям» ведь без разницы, какой ты национальности. Главное тут – чем ты вооружен и что делаешь: стоишь или движешься. Хочешь жить – находишься в толпе. Если она идет – иди. Если остановилась – стой. Я же одиночка, и поэтому враг всех, и все мои враги.

Извилистая улица выводит меня из старой части города на разделяющий город и микрорайон пустырь. Как только я останавливаюсь, машину мгновенно накрывает большое облако поднятой колесами пыли. Что ж, неплохо, у меня несколько минут будет отличная маскировка!

Я пристально всматриваюсь в панораму микрорайона. Вид жуткий: везде столбы черного дыма, дома разбиты. Не знаю, мне кажется, или на самом деле я слышу крики? Во всяком случае, выстрелы звучат точно.

Мне необходимо добраться в микрорайоне до самого ближнего пятиэтажного дома. Там живет Костя, его веранда на втором этаже, и, если с подачи соседей его еще не нашли националисты, он уже меня видит.

Центральный въезд перекрывают автоматчики без трехцветных повязок на руках. Это говорит о том, что микрорайон блокирован бандой боевиков, не имеющих отношения к народному фронту. Очень плохо: когда я брал машину Эльдара, у меня был план, который теперь невозможен. Что предпринять?

Меж тем вечерет. Облако пыли осело, и оранжевое солнце, слепя мне глаза, опускается так, что лучшей мишени на пустыре, чем моя машина, нет. Автоматчики на въезде волнуются, напряжены, но в меня не стреляют: вероятно, разглядели надписи на бортах моего «УАЗа» и теперь находятся в затруднении. У каждого бандформирования есть свой «законник», без которого ни один серьезный вопрос не решается. Пока они найдут этого человека, пока он обдумает ситуацию и изречет авторитетное мнение! Немного времени, но имеется.

Чтобы законник думал дольше, я стреляю из ракетницы, словно подаю кому-то сигнал. Автоматчики выглядят окончательно сбитыми с толку, и я, решив, что русское «авось» вывезет, тихонько трогаюсь с места. До нужного мне балкона с километр, до смерти, надеюсь, много больше.

Мне удастся преодолеть пустырь без помех. Пользуясь тем, что боевики моих намерений не знают, я останавливаюсь возле Костиного дома и бросаю камешек в стекло веранды на втором этаже. Сразу появляется лицо. Но такое изуродованное, в кровоподтеках, что я узнаю товарища лишь по голосу, когда он произносит:

– Гриша, Гриша!

– Вылезай сюда, и быстрее! – кричу я.

В голосе Кости слышится крайняя степень отчаяния, когда он говорит:

– Гриша, я не могу заставить Карину спуститься здесь, уже пробовал!

Я забираюсь на крышу «УАЗа», становлюсь на поддерживающие брезент металлические дуги, и, подкрепляя слова энергичными жестами, говорю:

– Пусть прыгает на меня, я поймаю! Относительно невысоко, получится! Рискуй, Костя, рискуй! Через пару минут отсюда вообще нельзя будет уехать!

Костя исчезает, а потом, появившись вновь, буквально насильно выбрасывает щупленькую Карину в окно, ко мне. Она падает крайне неловко, по-женски. Поэтому, едва девушка оказывается у меня в руках, я не справляюсь с ситуацией. Ноги у меня сходят с дуг, и мы вместе, сквозь лопнувший брезент, проваливаемся в салон машины. Я отделяюсь ушибами, с Кариной дело обстоит хуже: она сильно ударяется ногой и затылком уже внутри «УАЗа». Я пытаюсь привести ее в сознание, когда дверца открывается и в машину влезает Костя. Он удачно спустился на скрученных простынях. Дорожа каждой секундой, я оставляю Карину брату и перебираюсь за баранку.

Одновременно с тем, как машина трогается, из-за угла дома выбегают с пяток боевиков и бросают в нас камни. Один из камней со звоном падает в машину через дыру в брезенте. Боевики падают в пыль носами, как подкошенные. «Чего это они?» – удивляюсь я про себя. Ответ я узнаю, когда, переключая передачу, вижу, как Костя, выдернув чеку зубами, бросает назад поднятую с пола гранату. Оказывается, нам подфартило – командиры овечьих отар не знают азбуку военного дела!

Я соображаю, что мы можем попасть в радиус поражения. И так давлу на газ, что двигатель, набирая обороты, ревет, как раненное животное. Через шесть секунд невероятного напряжения нервов нас догоняет взрывная волна. Машину болтает, как самолет в зоне турбулентности, а затем все успокаивается. Я смотрю на Костю, собираюсь ему что-то сказать – ведь он только что УБИЛ, но потом молча возвращаю взгляд на дорогу. Выбор у нас действительно невелик. Может, он прав – война!

Посоветовавшись на ходу, мы приходим к выводу, что по центральным улицам к железнодорожному вокзалу не пробраться. Я направляю «УАЗ» к окружному шоссе. На нем, естественно, так же полно патрулей от всех сторон конфликта, но, проявляя определенную сноровку, их можно обходить по бездорожью, благо машина у нас для этого подходит, как нельзя лучше.

Костя на заднем сидении бережно поддерживает голову тихо стонущей сестры, старательно смягчая тряску. У них разница в возрасте составляет час, при этом чувствуют друг друга

почти телепатически. Устраивая Карину удобнее, он находит ружье. Капитан сборной нашего института по многоборью, Костя с такой жуткой улыбкой проводит пальцами по прикладу, что я сразу понимаю, какое у него сейчас страшное состояние души.

В зеркале заднего обзора я замечаю, что из микрорайона в погоню за нами выскочило несколько машин. «Волга», «Жигули», потом «КАМАЗ». Жалко, что наш «УАЗ» не годится для шоссейных гонок. Преследователи догоняют, аж плакать хочется, до чего быстро.

– Жаль, стрелять нечем! – цедит сквозь зубы Костя, оглядываясь назад.

Сожалея о том, что мне приходится это делать, я открываю бардачок и бросаю ему коробки с патронами. Костины глаза вспыхивают: его мечта о возмездии сбылась.

– Костик, стреляй по колесам, нам главное, чтобы они остановились! – кричу я.

Костя, не ответив, быстро заряжает ружье и прицеливается. До «Волги» всего метров тридцать. Удивительно, но в этой машине нет никого, кроме водителя – так боевики торопились в погоню. Двигается она быстро, шоссе в этом месте широкое, и, если Костя не попадет, нас сейчас обойдут. Попади, Костя!

Выстрелы из двустволки звучат почти слитно, лобовое стекло «Волги» разлетается, и легковушка начинает кувыркаться по асфальту, как в голливудском боевике. Едущие за «Волгой», «Жигули» не успевают отвернуть, и в результате обе машины, сцепившись, слетают в кювет. Мы переводим дух, но ненадолго: «КамАЗ» нагоняет медленно, но уверенно. Из его кузова несколько человек стреляют из пистолетов, и, если расстояние сократится, пули скоро начнут до нас долетать.

Мы достигаем места, где окружная становится значительно хуже и резко сужается. Слева и справа от шоссе появляются заросли камышей, уходящие вдаль. Это лето замучило зноем, и, обычно зеленые, камыши сейчас желтые: болотистая местность почти пересохла.

Неожиданно впереди виден полосатый шлагбаум, а возле него два БТР и курящие на броне автоматчики. Надо же, военные перенесли пост! А я думал, он будет километров через десять. Я едва не плачу: впереди по курсу на нас нацеливают пушку, а за спиной и так палят без перерыва. Куда деваться?

Громко вскрикнув, я от отчаяния резко выкручиваю руль, и «УАЗ», ударившись колесами о камни на обочине, улетает с трассы. Мы парим в воздухе, мне кажется, вечность. Наш полет заканчивается жесточайшим приземлением на чавкающую почву. Несмотря на сильнейший удар, я управление не теряю, а двигатель, жалобно покряхтев, продолжает тащить нас дальше, сквозь высокий камыш, который, расступаясь перед движущейся машиной, противно скребет по днищу и металлическим бортам.

Как-то уже был похожий прыжок, но демонстрировал его Эльдар, и гораздо ближе к городу. На том отрезке кольцевой, куда я не доехал из-за перенесенного поста военных. Мы возвращались с загородного пляжа на этом же «Уазе» (тогда он был еще без надписей), и попали под комендантский час. Тем летом его то вводили, то отменяли, и не было никакой возможности уследить за процессом. За нами погналась машина «ГАИ», и Эльдар, недолго думая, свернул в заросли камышей. А в них, как известно, в трех метрах слона потеряешь. Самое главное здесь, как он тогда объяснил – это не сбиться с направления на ту, возвышающуюся над местностью, скалу. Там находится въезд в город под названием «Волчи ворота». Войска, конечно, держат трассу и там, но там объезд поста, опять же, от Эльдара, я знаю!

А стрельба на окружной нарастает: скорострельная пушка БТР выпускает несколько снарядов. Я криво усмехаюсь, представив лица боевиков, когда они увидели, что те, за кем они гнались, исчезли, а перед ними мотопехота. Впрочем, это я зря, чужому горю радоваться – своего счастья не видать. Эх, Эльдар, Эльдар, какие и я теперь оставляю следы!

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

– Гриша, Гриша, да очнись же ты!

Мои веки, дрогнув, приподнимаются, и я вижу Сашу. Это он кричит мне в ухо. Саша, Саша, причем тут Саша? И еще медсестра, она пытается попасть иглой в вену на моей руке. Жалуется:

– Ничего не получается, какой сложный больной!

Сашка, покраснев от напряжения, кричит так, что, кажется, стены дрожат:

– Гриша, это Россия, ты в больнице!

Я, в конце концов, все понимаю и сразу расслабляюсь.

– Очнулся, слава Господу! – говорит медсестра и с размаху втыкает в меня иглу так, что я издаю стон уже не от сновидений.

Минут через пять медицинская кутерьма успокаивается, и Саша рассказывает:

– ... лицо каменное, тело холодное, негнущееся. Я трясусь за плечи, а от тебя будто электрический разряд! У меня даже волосы на голове дыбом поднялись. Медсестру позвал, а что делать с тобой, не знаем. Ладно, ничего, мне раньше тоже всякое снилось. Теперь стало спокойней в душе. И с тобою, пройдет.

– У тебя, – говорю я флегматично Сашке, – жена и дети. Есть, в чем обществе забыться. И уехал ты, в городе относительно тихо было, события только начинались. Впрочем, не будем об этом, лучше помоги сесть!

Сашка выполняет мою просьбу, садится рядом на кровать. Указывая на сумку возле моей тумбочки, произносит:

– Из твоих вещей принес кой-чего.

Я киваю головой. Мы молчим немного, потом я с дружеской приязнью спрашиваю:

– Как у тебя на работе?

Сашка часто моргает, морщит лоб. Начинает неохотно, но затем, рассказывая, оживает:

– Да, понимаешь, сложно. Ты ведь нашу историю толком не знаешь! Представь себе захиревший военный заводик, скорее цех, от случая к случаю получающий не крупные заказы. Волею случая мимо едет известный академик. В его машине происходит серьезная поломка. Пока машину чинят, академик отправляется прогуляться по окрестностям, и экспромтом договаривается с местным жителем о покупке земельного участка под дачу. Естественно, он тут же собирается строиться, и, разумеется, так, чтобы дача была ничуть не хуже, чем у других советских академиков. А если строиться – надо приезжать. Делать это удобнее в рабочее время и за государственный счет. В общем, завод неожиданно получает субсидии и стройматериалы в неограниченном количестве, в результате чего бурно развивается. Не секрет, что часть ресурсов уходит на возводимую солдатами дачу академика. Но это другая история. А по существу, своих кадров здесь нет, жилья никакого, поэтому принимают на работу специалистов из числа беженцев. А мы уже сами устраиваемся, по углам у местного населения. На такое кроме нас, горемык, вряд ли кто согласился бы, да еще за мизерную зарплату. В утешение нам, строят рядом с заводом жилой дом. Ради того, чтобы получить в нем квартиру, мы все терпим. Но внезапно академик умирает! Гром и молнии! Расширение производства накрывается, заказ еле тянем, возведение жилья затормозилось. А–а! – Сашка, махнув рукой, замолкает.

Определенно, другу приходится не сладко. К тому же я приехал, и за мной ухаживать надо! Сейчас он сидит, понурившись. Я кладу руку ему на плечо и тепло говорю:

– Саша, родной, ты, пожалуйста, иди домой. Мне уже гораздо лучше! Лена там одна с детьми. Завтра забежишь, после работы. Буду тебя ждать. И пожалуйста, не возражай, ты сам

выглядишь, словно вот-вот свалишься. Если это произойдет с единственным кормильцем, меня совесть заест. Иди, иди домой! Тебе не стоит проводить ночи в больнице!

– Да ничего, сдюжу, я привык к перегрузкам! – Сашка храбрится, но по нему чувствуется, что к семье он хочет. Нерешительно проводит ладонью по небритой щеке. Я строю знакомую с детства физиономию. Она действует безотказно, и Саша, рассмеявшись, встает. «Как хорошо, что мы снова вместе» – читает он в моем, а я в его взгляде. Улыбаясь, друг уходит.

Из процедурной выходит медсестра и направляется ко мне. Она красивая, пухленькая, на носу зазорные веснушки. Вспомнив, что эта медсестра никак не могла сделать укол, я, не удержавшись, с иронией спрашиваю:

– Вы как, иглу хорошо заточили?

– Нет. Другую достала. Специально для вас. – Говорит она и показывает шприц с такой иглой, что у меня возникает желание написать завещание. Я говорю ей об этом шутивным тоном, но она смотрит сурово, пожалуй, даже неприязненно. Мне приходится отвернуться к и терпеливо перенести ее манипуляции с моими венами.

Дождавшись, когда она уйдет, я лезу в сумку, что принес Сашка, нахожу зеркальце и смотрюсь в него. Я не узнаю себя! Лицо и волосы в пыльных разводах от многочисленных дорог. Я толком не приводил себя в порядок с тех пор, как выехал из города. Неудивительно, что хорошенькие девушки относятся ко мне плохо.

Неожиданно мой сосед Коля кашляет. Определенно, хочет привлечь к себе внимание. Я совсем забыл про него: он тихо лежал на своей кровати и будто дремал. А на деле дожидался, соседка, обещанного. Но давать деньги просто так не в моих правилах. Я, подумав, спрашиваю:

– Послушай, Коля, а можешь тут ванну организовать?

– Ванну? Зачем? – искренне удивляется Коля.

– Помыться хочется! – вздохнув, разъясняю я очевидное.

– Ну–у... разве что хочется... а деньги-то? Как насчет денег? – считает нужным напомнить он.

– Будут, не сомневайся! – уверяю я.

Коля поднимается и исчезает с важным видом, словно получивший специальное задание секретный агент. Возвращается с худенькой миловидной девушкой в синем халате. Они садятся на его кровать. Коля так, чтобы не было заметно другим больным, рукой активно исследует девушку в районе коленей. Она нервничает из-за этого. Мне тоже это неприятно. Хмурясь из-за Коли, я резко спрашивают у девушки:

– Помыться организуешь?

– Ну, это, ванну надо. Это, вычистить, она грязная, – по речи заметно, что девушке трудно связывать слова в предложения.

Я решаю ободрить ее, переменяюсь и спрашиваю с улыбкой:

– Отлично! Что с меня?

– Ну, это, Коля сказал, что принесет. Это...– девушка, смутившись, опускает взгляд в пол.

Однако я понимаю, что она имеет в виду. Достаяю из сумки кошелек, и Коля получает новенькую ассигнацию. Он, просясь, сразу забывает про девушку, поднимается и идет к выходу. Девушка, пробормотав мне что-то извинительное, тоже вскакивает, и, догнав Колю, виснет у него на руке. Они начинают живо шептаться о чем-то на ходу. Мне остается надеяться, что деньги я отдал не напрасно.

Не знаю, сколько проходит времени, пока я моюсь, но, когда я вновь укладываюсь на свою койку, вся больница уже спит. Я чувствую себя превосходно. Однако настроение портится при появлении Коли, от которого непереносимо воняет сивухой. Он наклоняется ко мне и произносит свистящим шепотом:

– Гриша, есть классный план! После полуночи идем на третий этаж. Там ремонт, палаты пустые, никого нет. Техничка и медсестра освободятся, и сразу к нам. Посидим с ними, выпьем, поговорим!

Я отстраняю от себя ребром ладони его потное лицо и задаю уточняющий вопрос:

– Посидим, выпьем, а дальше что?

– Разбегаемся по палатам, ты – с техничкой, я – с медсестрой, и... о чем договоримся! – произносит Коля с гримасой героя сальных анекдотов.

– А девушки знают о твоих намерениях? – недовольно спрашиваю я.

– Нет еще. А чего им? Хочешь, сейчас скажу! – с пьяной уверенностью говорит Коля.

– А я, тебе зачем? Неужели один не справишься? – ерничаю я.

Коля тушует и говорит смущенно, слегка заикаясь:

– Ну, село у нас маленькое. Мы местные. Они меня, как облупленного знают. И жену мою. Я, как мужик, им неинтересен.

– А я здесь причем? – спрашиваю я, широко зевая.

Коля начинает с жаром втолковывать мне:

– Гришка, я уверен, они согласятся, если ты пойдешь! Приезжий, холостой, при деньгах. Бабы таких, обожают!

Как же, при деньгах! Знал бы он! У меня возникает желание подковырнуть Колю:

– А ежели им нужен я, тогда почему ты решаешь, кто из девушек достанется мне? Я, может быть, сразу с обеими желаю завести отношения!

Коля порядком оскорбляется. Он выпрямляется на кровати и возмущенно произносит едва ли не в полный голос:

– Это ты зря! Очень даже напрасно!

Как же, как же! Ведь он местный, ему и решать. Какое я имею право ставить условия?

Мой город, этот деревенский парень затронул, сам того не зная, мою боль! Впрочем, оно того не стоит! Вздыхнув, я говорю Коле примирительно:

– Ладно, успокойся, я пошутил. Здоровье мое, на данный момент, заниматься флиртом не позволяет. Живу мечтою не о женщинах, а о свежем воздухе. Ты уж, Коля, сам как-нибудь справляйся. Я, извини, спать хочу!

Не слушая Колю, который разворачивает пылкую агитацию и при помощи народных выражений рисует одну картину соблазнительнее другой, я закрываю глаза и мгновенно засыпаю.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Наша инженерная бригада занималась тогда монтажом оборудования в большом здании, недалеко от городского «Белого дома». Я отправился в старый аппаратный зал за схемой. Как вошел, сразу увидел, что среди женщин, коих тут порядочно, находится незнакомая девушка. Разговаривает с начальницей этого коллектива. Бывает же такое: среди множества ты, испытывая сильное волнение, замечаешь только одну, сам того не сознавая, отчего это так.

Порывшись в пыльном шкафу с документацией, я уходить не спешу. А чтобы причину моей задержки любительницы острых словечек не определили, спрашиваю, конкретно ни к кому не обращаясь – нет ли у кого сигарет? Услышав, девушка бросила на меня этакий оценивающий взгляд, а затем подошла к подоконнику, где лежала ее сумочка. Там, у окна, я разглядел незнакомку лучше.

Полукровка. Возраст – лет двадцать, не больше. Худющая, высокая, ноги длинные, тонкие, грудь плоская. Волосы черные, стрижка под «мальчика». Лицо очень живое, подвижное, глаза взрывоопасные, губы мечтательные. Однако одета дорого и безвкусно. Если кто спросил, какой у нее стиль в одежде – я сказал бы, «денежный». Мне такие, никогда не нравились. Она не из тех, кому я обычно назначаю свидание.

Девушка заметила мои взгляды, улыбнулась, достала из сумочки пачку сигарет «Мальборо» (по тем временам в городе роскошь неслыханная!), провела взглядом по моим старым, залатанным джинсам, и бросила сигареты на стол прямо передо мной.

– Возьми, страдалец! Можешь оставить, на память о нашей встрече! – сказала она и совершила такой пренебрежительно – кокетливый жест рукой, что весь женский коллектив заржал, как добрый табун лошадей.

Стушевавшись, я машинально взял сигареты. Держа их в вытянутой руке, как ядовитую змею, отправился обратно, в бригаду. Дымящие «Примой» за четырнадцать копеек, мужики от «Мальборо» оживились:

– Народ, гребни сюда, Гриша «Чужборой» угощает! Не иначе, крупное наследство получил!

Я раздаю сигареты, выбрасываю так быстро опустевшую пачку в мусорную корзину, и спрашиваю у мужиков:

– Ребята, ну – ка, втолкуйте мне, кто это такая, шикарно одетая мадам, в старой аппаратной сейчас лясы точит?

Мужики, занятые своими делами, отвечают мне лишь неопределенными возгласами. Но я до крайности заинтригован и считаю, что столь важный вопрос оставить без ответа нельзя. Я подхожу к Мусе, нашему бригадиру, который уже успел разложить на столе принесенную мною схему. Муса, лицом от рождения черный, как негр, рассеяно отвечает мне:

– Да, ну... эта девушка – каленый орешек. Приемная дочь известного в городе человека. Если тронешь... короче, чем тронешь, то и отрежут!

Я фыркаю, прикуриваю дорогую сигарету от паяльника (со спичками в городе опять случились перебои), и, махнув рукой, говорю:

– Да ну вас! Не бригада, а сборище городских трепачей!

Наш многоопытный бригадир, умеющий ждать (когда прикуриваешь от паяльника, у сигареты бывает неприятный вкус) зажигает свою сигарету, используя мой огонек. И только после этого, устроившись удобнее в глубоком кресле, говорит:

– Не, Гриш, я абсолютно серьезно. Карманов (начальник нашего управления), когда видит эту, как ты изволил выразиться, «мадам», обязательно подходит к ней, здоровается (ста-

рый маразматик, кажется, не помнит в лицо собственную секретаршу). Спрашивает, как дела, просит папе привет передать.

Уже начиная подозревать, что мне не «травят», я все-таки интересуюсь:

– Бригадир, а почему я ее до сих пор не видел?

Вздыхнув с начальственной озабоченностью, Муса по-отечески грозит мне пальцем:

– А ее вообще редко видно. Она, то на больничном листке, то за свой счет, а то просто так не приходит на работу. Ей все равно в табеле часы ставят.

– А к ней пытался кто-нибудь ... подрулить? – слегка покраснев, спрашиваю я.

– Гриша, говорю же, не забивай себе голову! – бригадир огорченно цокает языком, – Илья (инженер из другого подразделения) как-то ее в ресторан сводил. Знаешь, где сейчас Илья?

Я пожимаю плечами. Илью я давно не видел. Бригадир кричит в дальний конец зала, адресуясь к стоящему на высокой стремянке полному Диме:

– Скажи Грише, где сейчас Илья?

Дима, оторвав взгляд от проводов, недовольно бубнит:

– Где, где! Какой месяц монтирует телефонную станцию в горном ауле. Не знаю, сколько у него на самом деле работы, но точно могу сказать, что он еще долго там будет находиться!

Занимающийся специальными измерениями, наш штатный насмешник Яша отвлекается от установки датчиков и громко произносит:

– Так что, Гриша, даже не думай приладить свой дешевый табачок в дорогую табакерку!

– после чего с наслаждением затягивается «Мальборо». Но дым кажется ему противным, и он его нарочито откашливает, кривляясь и охая. Мужики смеются так, что обычно спокойный, Дима роняет очки с носа на пол.

Если бы не этот разговор и подначка Яши! Разумеется, я и не подумал бы предпринять какие – либо действия. А тут нет, будто кто протрубил «атаку». Я незаметно покинул здание и побежал к цветочному ларьку, покупать у старика Садыха самые лучшие цветы.

Нежный аромат заставляет всегда болтающих женщин умолкнуть и с открытыми ртами смотреть на алые розы, словно пылающие огнем здесь, в тусклом свете от грязных окон и на фоне блеклых стен.

Я подхожу к девушке, протягиваю цветы, и, чувствуя себя, как альпинист, зависший над пропастью без страховки, говорю:

– Это не за сигареты. Это по велению сердца. Прими их от меня, девушка, пленившая мою душу, девушка–сон, девушка–мечта, и будь счастлива!

Моя рука с букетом повисает в воздухе, незнакомка морщит носик. Заметно, как ядовитая фраза вызревает на ее губах. Но тут... наши глаза встречаются, и мой взгляд пробивается до ее сердца. И на мгновение мы будто остаемся наедине, слушая только наше дыхание. И вот ее рука, дрогнув против ее воли, поднимается! Я отдаю цветы, разворачиваюсь и ухожу, а за моей спиной женская армия хором стонет от получившейся сцены.

Спустя две недели я прихожу в ночную: в это время суток лучше всего испытывать надежность новых систем. Естественно, первым делом отправляюсь в диспетчерскую. Отметиться и узнать, с кем придется работать. Увидев, кто сидит за главным пультом, я от неожиданности говорю грубовато:

– А ты чего тут? Ты же в ночь не ходишь!

Насмешливо посмотрев на меня, она, удивительно хорошо улыбнувшись, говорит:

– Здравствуйте!

– Здравствуйте! – отвечаю я и с неудовольствием думаю, что незнакомка опять заставила меня покраснеть.

А девушка между тем продолжает улыбаться и разглядывает меня, будто впервые увидела. Видимо, ей все во мне нравится, и она решает продолжить наш разговор:

– Я посмотрела по графику, когда ты работаешь, и поменялась сменами. Чтобы мы вместе оказались, – ее слова звучат так естественно, что даже при желании нельзя найти в них определенный намек.

– А как тебя зовут? – спрашиваю я.

– Наташа. А тебя Гриша?

– Для кого как. – Холодная фраза вырывается у меня от того, что я чувствую досаду. Действительно, почему эта девушка вызывает у меня робость? Я что, женщин не видел, что ли? Да и настроение, с которым я дарил ей цветы, меня давно покинуло!

К тому же она выглядит сегодня не как предмет для вздыханий, а как манекен на выставке драгоценностей: золотые кольца на пальцах, множество цепочек на шее, сережки, массивная брошь. Бриллианты сверкают, хоть глаза закрывай!

У меня возникает желание провести черту между нами. Отдалить ее от себя, и тем самым вернуть себе «мужское превосходство». Я говорю сухо:

– Сегодня ты мне не нравишься.

Девушка, удивившись, красиво изгибает бровь. Это заставляет меня залюбоваться ею, и я добавляю уже мягче:

– Сам не знаю, почему. Ты похожа на заводную механическую птичку в золотой клетке.

От этого сравнения Наташа вздрагивает всем телом, ее глаза становятся печальными, и она с грустью говорит:

– Ах, Гриша, ты даже не подозреваешь, как прав! Ладно, иди, крути свои ручки–рубельники, закончишь, жду чай пить!

Я послушно поворачиваюсь к ней спиной и в самом деле отправляюсь работать, думая о том, что мои розы, наверное, уже давно завяли. Если, конечно, она их сразу не выбросила. А еще я думаю о том, что так бывает – посмотришь на женщину, и внезапно происходит любовное затмение. А как всякое затмение, такое и случается редко, и проходит быстро.

К сожалению, в работе я забываюсь. Когда бросаю взгляд на часы, то от отчаяния за голову хватаюсь: как я мог пропустить назначенное мне свидание? Это надо быть полным идиотом, в моем возрасте не пойти к женщине, тем более, если она сама позвала!

Я застаю девушку за столом, на котором стоят две хрустальные рюмочки, бутылка коньяка и немного закуски. Золото Наташа с себя сняла, переделась в синий рабочий халат. Курит длинную сигарету, стряхивая пепел в консервную банку, полную окурков.

Свет в комнатку отдыха проникает через открытую мною дверь, но даже в полутьме я вижу, какие крупные слезы на ее щеках. Чувствуя стыд, я сажусь рядом с ней на деревянную скамью и говорю:

– Наташа, прости меня!

К сожалению, все раскаяние, что я испытываю, мой голос не передает. Наташа с вызовом спрашивает:

– Что ж ты оставил свои ручки–рубельники? – и отворачивается от меня.

Я вижу, что огонек ее сигареты, когда она затягивается, не дрожит. Гордая, и характер твердый. Эх, пролетело мое счастье! В наступившей тишине слышится лишь мое прерывистое дыхание.

Как вымолить у девушки прощение? В душевной маете я чиркаю спичкой и зажигаю свечу, стоящую на спичечном коробке. Разгораясь, огонек свечи колеблется, и своим изменчивым светом создает интимную атмосферу для общения. Я смотрю на Наташу, вдыхаю запах ее волос, и словно выпиваю дурману, у меня кружится голова.

Находясь под воздействием новых для меня чувств, я думаю одновременно на двух языках: родном, русском, и на языке детства–фарси. Это параллельное мышление позволяет мне изъясниться в необыкновенной, смешанной речевой форме, которая на слух звучит необычайно красиво, а по содержанию представляет собой любовную лирику.

Я говорю всего минут пять. Но Наташа перестает плакать и поворачивается ко мне. Глядя расширившимися, словно в гипнотическом трансе, зрачками, она произносит:

– Только не убеждай, что сам сочинил. Где-то слышала уже.

Я достаю из кармана мятую сигарету без фильтра и прикуриваю от свечи. Выпустив облако едкого дыма, с апломбом замечаю:

– Конечно, не берусь утверждать, что не плагиат. Но при общении с прекрасным полом главное – это не то, что говоришь, а то, как говоришь!

Наташа, выслушав эту ерунду, насмешливо качает головой, а затем, подвинув ко мне пачку «фирменных» сигарет, просит:

– Мне тоже прикури!

– Кажется, ты итак достаточно выкурила, – говорю я, легонько щелкнув пальцами по ее «пепельнице», и предлагаю, – давай попробуем напиток из твоей бутылочки!

– Пробуй, я не хочу. Что-то я вообще ничего не хочу. Дура я, наверно!

Повертев в руках, я ставлю бутылку на прежнее место. Какая она дура? У меня от дур такого сердечного волнения, какое я сейчас испытываю, не бывает!

– Почему ты носишь столько золота? – спрашиваю я, и тут же откровенно признаюсь себе, что задал вопрос совершенно напрасно, он совсем не подходит к моменту. Однако Наташа находит его вполне нормальным и отвечает:

– Ха, подарок к свадьбе. Скоро замуж выхожу. Мой будущий муж толстый, глупый, противный и разъезжает на доставшемся ему по наследству номенклатурном автомобиле. Завтра возвращается из командировки в район. Мрак.

– М – да... ты о нем ничего, ласково так! – говорю я, затагиваясь сигаретой.

– Он другого, не заслуживает! – резко произносит Наташа.

Заметно, что мыслью она уносится куда-то. Устанавливается неловкая тишина, в которой слышна отдаленная работа оборудования. Через несколько минут я поднимаюсь, скидываю рубашку (она мокрая от пота) и иду к двери в диспетчерскую. Мне показалось, что сработала сигнализация аварийного режима. А если откровенно, я пошел, чтобы пауза не была такой мучительной: ни общих знакомых, ни точек соприкосновения по интересам.

В дверном проеме я, бросив взгляд на центральное табло, констатирую, что с оборудованием все порядке, и у меня вдруг возникает желание закрыть эту дверь, отгородиться от мира приборов, будто они мешают, или даже, с любопытством подглядывают за нами. Я поворачиваюсь к Наташе, чтобы спросить у нее разрешения, и вижу, что она смотрит на меня, на мой обнаженный торс, хорошо освещенный электрическим светом из зала, каким-то особенным взглядом. Я неожиданно чувствую, что ей в эту минуту хочется ощущения близости красивого мужского тела. И от ее влечения ко мне, меня самого тянет к ней до помутнения рассудка.

Завершение этой истории я помню так: солнечным утром мы сидим в моей машине около какого-то правительственного учреждения, куда я ее подвез, и никак не можем расстаться. Я беспрерывно говорю, как ее люблю. Наташа в ответ тяжело вздыхает, и, глядя в небо, говорит:

– Сегодня приезжает мой, так называемый! Ох, Гриша, очень жаль, что наша ночь не может перейти в наш день! – после чего резко открывает дверцу машины и идет от меня, как уходит от любимого, как пытаются уйти навсегда. Я провожаю ее взглядом в смутении. Что оставила мне эта птичка в золотой клетке, открыть которую можно только золотым ключиком, мне не по карману? Похоже, сердечную боль и страсть, что мне без нее никогда не утолить.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Я поднимаю трубку рабочего телефона и слышу:

– Ха, ну и как живешь?

Фамильярный, надо отметить, вопросик. Не могу сообразить, что за женщина его задает.

– Плохо! – отвечаю я.

– Неправда! Я тебя часто вижу, выглядишь отлично!

Узнал! Это Наташа. Та ночь, год воспоминаний о ней! Возможно ли? Позвонила спустя столько времени! Почему-то я представлял, что стоит ее услышать или увидеть, со мною обязательно что-то произойдет. Ничего подобного, даже легкого волнения нет.

– Всю правду обо мне может знать только одна – единственная! – говорю я.

– Ну и как же зовут эту единственную? – спрашивает она игриво.

– Наташей. Но она вышла замуж за противного, родила сына и живет семейной жизнью! – тяжело вздыхаю я.

– Ха, надо же, счастье какое! Узнал миленок! – говорит она с томными нотками.

– Х–м! Наташа, а ... как ты мой новый рабочий телефон раздобыла? – я хотел спросить, зачем она звонит, но так и не осмелился.

– Это все, что тебя интересует? – задает она двусмысленный вопрос.

– Я тебя не совсем понимаю. Ты – женщина загадка! – говорю я неопределенно, боясь попасть впросак.

– Так отгадки нужно искать в тысяче и одной ночи! А у нас тысячи пока не было, милый! – смеется она.

Это получается у нее так жизнерадостно, что я, не выдержав, поневоле включаюсь в ее игру и задаю вопрос в той же тональности:

– А почему ты думаешь, что я о них не мечтаю?

– Ха! В таком случае, помнишь, где клуб филателистов? – спрашивает она.

– Разумеется.

– Тогда в полседьмого. И не опаздывай! Чао! – кричит она, перекрывая шум проезжающего трамвая.

Происходит разъединение, и я недовольно бросаю трубку на место. Надо же, «чао!». Вот ведь, какая умная! Устроила себе любовь до востребования! А у меня, может быть, меланхолия. И с утра зуб болит. В общем, нет никаких желаний к ней, хоть убей! Да и дома воды в кране. Не бегать же по друзьям: братцы, дайте помыться, женщина пригласила! А по времени, я даже до клуба не успеваю! Работа заканчивается в шесть, пока туда–сюда, уже будет полседьмого. Никуда не поеду. Мало ли кому, что хочется!

Остаток дня проходит в сомнениях. Я, то еду, то не еду. Когда сажусь в машину, так и не знаю, на что решится. А вокруг бурлит жизнь центрального проспекта города, гуляют разодетые франты, обольстительные девушки. Очень хорошенькая особа проходит мимо меня в толпе, и чем-то напоминает Наташу. Сразу воспоминания обрушиваются лавиной, я думаю – ладно, поеду, встречу и отвезу домой, посмотрю еще разок. Может быть, пойму, почему я тогда на нее «запал».

Я доезжаю до перекрестка и попадаю в пробку. Это оказывается весьма кстати: я замечаю цветочный ларек, и понимаю, что чуть не допустил непростительную ошибку. Как и в день нашей встречи, я покупаю три самые красивые розы, торопясь и переплачивая. Пробка, однако, держится долго, и я все–таки с опозданием подъезжаю к клубу филателистов. Он находится на тихой улице, где много декоративных кустов и деревьев с густой кроной. Остановившись в их тени, я осматриваюсь. Что-то никого не видно. Неужели девушка не дождалась меня?

По улочке легким ветерком проносится прохлада наступающего вечера. Вздохнув, я собираюсь уехать, но тут сзади, с проспекта, появляется такси. Моргнув фарами, машина останавливается вровень с моим «Москвичом».

Через секунду, слегка обомлев, я смотрю, как такси уезжает, а Наташа, хлопнув дверцей, садится рядом со мной. Да у нее все отработано в мелочах! Интересно, с кем она шлифовала технику подобных встреч? Вряд ли ради моей персоны изучала конспирацию!

Я целую ее, поднявшуюся за цветами, руку, и говорю:

– Приветствую тебя, Наташа!

– Ха, как приятно! – говорит она, хотя я прекрасно вижу, что это не соответствует истине. Лично я испытываю разочарование от встречи, и, по-моему, Наташа тоже.

Улыбается натянуто, избегает моих глаз, рассматривает букет. Из женских прелестей ее козырь – грациозность, однако в машине и при таком освещении он не действует. Да и лицо у нее изменилось: стало холодным и официальным.

– Поедем. – Говорит она и показывает направление рукой. Я не интересуюсь, куда. По мне, так лучше я – к себе домой. У меня там суп в холодильнике стоит.

Через несколько кварталов, возле старинного дома оригинальной архитектуры, знаменитого тем, что арок, башен, навесных переходов, в нем больше, чем где – либо в городе, Наташа пальцами сжимает мое плечо. Я останавливаюсь.

– Зайдешь вон в ту дверь, будет открыто. Машину поставь метров пятьдесят дальше, – говорит она и выскальзывает наружу.

Дверь и правда оказывается открытой. Услышав мои шаги, в прихожей появляется Наташа. Она уже успела переодеться в эффектное вечернее платье, красиво облегающее ее фигуру. Я возле нее смотрю, как ржавый гвоздь, по ошибке вбитый в центр полированного стола.

Хозяйка делает приглашающий жест и направляется вглубь квартиры. Я сбрасываю обувь и иду за ней, источая запах несвежих носков. Наташа показывает мне гостиную, две спальни, кабинет, библиотеку, кухню. Роскошь, царящая здесь, так действует на меня, что я спрашиваю слегка осипшим голосом:

– И ты... живешь тут?

– Нет, это квартира отчима для деловых встреч и именитых гостей, – высказывание получается у Наташи даже небрежнее, чем бы ей хотелось. Будто она сказала:

«это все ерунда, вот там, где я живу, там действительно!..»

– А вдруг... сюда придут? – помявшись, спрашиваю я.

Наташа, чего я не мог в ней предположить, густо краснеет и отвечает:

– Не переживай, мой, так называемый муж, вместе с отчимом уехал в район, встречаться с чабанами по важному политическому делу. Ключ мне отчим сам отдал. А мой, так называемый, не знает о существовании этой квартиры.

– А ты как узнала?

– Как-то с отчимом случился сердечный приступ. Постоянный врач на звонки не отвечал. А вызывать сюда посторонних – сам понимаешь! Он позвонил ко мне, я приехала и сделала уколы.

Слушая Наташу, я постоянно чувствую фальшь, присутствующую в наших словах. Словно мы, хорошенько не выучив, играем чужие роли. Не найдясь, как продолжить разговор, я медленно прохожу в ванную. Включаю свет, и, присвистнув от изумления, говорю:

– Да тут у вас бассейн! Вы тут что, командные заплывы устраиваете?

– Ты почти угадал, – отвечает Наташа голосом, лишенным эмоций.

– Ну, тогда. – Говорю я, зачем-то шмыгнув носом, – выкупаться здесь точно можно. И еще – я кушать хочу.

Наташа, по-прежнему оставаясь бесстрастной, интересуется:

– Напитки, закуски? есть все, что угодно!

– Супа хочу. Горячего. – Сообщаю я, решительно скидываю рубашку и кладу руку на сияющий позолотой смеситель.

Наташа смотрит на меня пристально, и непонятная искра мелькает в ее глазах. Я не понимаю ее и думаю – вероятно, жалеет, что затеяла эту историю. Чтобы она вернулась к реальности, я спрашиваю ее:

– Наталья, так как, будет суп, или нет?

Наташа, вздрогнув, произносит с туманной полуулыбкой:

– Отчим всегда говорил, что его самое горячее желание – это посмотреть на человека, который меня обуздает. Сделай милость, вышли ему свой портрет. Иду готовить, мой господин!

Ванна наполняется, и в боковых зеркалах отражается моя довольная физиономия, окруженная миллиардом разноцветных пузырьков. Наташа подкатывает сервировочный столик с едой, какой я никогда не видел, и, пожелав приятного аппетита, уходит, избегая смотреть на меня. Это получается настолько грустно, что мне становится жаль ее.

Я одеваюсь, запах сигаретного дыма приводит меня на кухню. Наташа курит, стряхивая пепел в кофейную чашку. Она прячет лежащие на столе детские фотографии в сумочку и говорит глухо:

– Напрасно я это затеяла. Ты не такой, да и я не такая! Строю из себя!

Я говорю, обаятельно улыбаясь:

– Знаешь, Наташа!..

– Знаю, – перебивает она меня, – если хочешь, можешь идти. И извини меня, за этот... назовем его так, розыгрыш.

– Да нет, ты меня не так поняла. У меня есть идея!

– От идей мир не становится ясней. Ха! Рифмовать – твоё влияние. Ступай, мне неловко!

– Да ты сперва послушай! Я считаю, что везде необходимо вдохновение, даже при обычном общении. А вдохновение – вольная птица! Она никогда не залетит в такой вертеп. Но я знаю место, где можно встретиться с ней и даже взять на память оброненное ею перо!

Наташа поворачивается ко мне, ее глаза немного светлеют, и она говорит:

– Ты, Гриша, я знаю, сухарь заговоришь, пряником покажется!

– Ох, Наташа, ты забыла розы, те, что я подарил, в моей машине, и точно также, будто забыла где-то душу! Поедем, поедем смотреть закат на море! – с надеждой на согласие прошу я.

– Миллион раз смотрела. – Неуверенно произносит она.

– Смотрела, но я убежден, не видела всю красоту заката! А я тебе покажу бухту, где он действительно прекрасен!

Наташа раздумывает, а затем, хитро глянув на меня, говорит:

– Уговорил, поедем. Но при условии: выполним мой каприз. Сделаем это не на твоей, а на моей машине. Мне в ней удобнее!

– А разве у тебя есть машина? – удивляюсь я.

– Ха! Спрашиваешь! Иди в гостиную, там, возле книжного шкафа, дверь в гараж. Прогрей пока двигатель, я приберусь и подойду.

– Что ж, твои желания для меня — закон!

В гараже я обнаруживаю обычный «Запорожец». Немного разочарованный (я ожидал большего), сажусь в машину и запускаю двигатель. Меня ожидает сюрприз: вместо привычного «Запиковского» грохота слышится еле уловимое шипение. Какой иностранной фирмы силовая установка, можно только гадать.

Я думаю, не забраться ли мне в моторный отсек, чтобы исследовать этот инженерный феномен, когда подходит Наташа. У нее в руках сумка и букет роз. Я галантно открываю дверцу. Разместившись на переднем сидении, она говорит:

– В твоей машине лежат розы, что я купила для тебя. А те, что подарил ты, вот они. Мои, кстати, значительно лучше. Мог бы быть внимательнее!

От смущения я краснею и засыпаю ее вопросами:

– А как открыть твой гараж? А документы на машину где? А права, на всякий случай, ты взяла?

Наташа, усмехнувшись, легким движением забрасывает цветы на заднее сидение и молча нажимает кнопку на передней панели машины. Тут же дверь гаража, дрогнув, уходит в сторону. Наташа говорит, чтобы я насчет ее прав не беспокоился – к этой машине, с проверкой, никто близко подойти не посмеет. Я недовольно хмурюсь: как у них в городе все «схвачено»!

Едва путь освобождается, я жму на газ. Но вместо плавного хода колеса машины крутятся «с дымком», как у гоночного болида. Нас буквально выбрасывает на узкую улицу, где стена дома, что напротив, угрожающе несется навстречу. Я резко выкручиваю руль, и после крутого, почти самолетного виража, мы остаемся живы чудом. Наташа громко смеется, а я зло кричу на нее:

– Ты чего не предупредила? Мы едва не разбились!

– Ты сильный и должен был справиться! Ты настоящий мужчина! – говорит она и целует меня в щеку.

Вспышка злости сразу проходит. Я думаю, что этак она скоро сделает меня совсем ручным.

До конца не разобравшись с управлением, на перекрестке я вынужденно останавливаюсь между полосами, на сплошной разграничительной линии. Перекресток регулируется передвижным патрулем ГАИ. Старший наряда, лейтенант, поворачивается к нам и буркает «Запорожец» взглядом. У меня возникает чувство, что все, приехали.

Наташа что-то говорит о внешности лейтенанта и показывает ему оттопыренный средний палец. Я думаю, ничего, сейчас заберут нас в каталажку, будет ей, где и с кем посмеяться. Но лейтенант, изучив наши регистрационные номера, направляется к верно стоящей машине и отчитывает водителя за не пристегнутый ремень безопасности. Второй милиционер, в звании сержанта, жезлом показывает нам разрешенное направление движения, а затем наклоняется и принимается изучать приспущенное колесо красного милицейского «Москвича». Глядя на поведение милиционеров, я моргаю так часто, что чаще уже невозможно.

Однако водители стоящих сзади машин сигнализируют, и Наташа толкает меня локтем:

– Ты чего, Гриша? Шевели поршнями, людей задерживаешь!

Я трогаюсь, и опять неудачно: едва не сбиваю с ног лейтенанта, он едва успевает отскочить. Я с испугом смотрю в зеркало заднего обзора, цел ли милиционер, и вижу, как рассвирепевший лейтенант орет на своего растерявшегося напарника.

– Ой, сейчас плохо будет! Ой, довел до коллик! Ты чего творишь на дороге, ведь завтра их начальник будет звонить отчиму, извиняться за неуклюжесть починенных! – хохочет Наташа.

Довелось же мне увидеть такое! Может быть, сон снится? Я незаметно щиплю себя, а затем бросаю на Наташу очень выразительный взгляд. А она продолжает смеяться:

– Я серьезно! Думаешь, они на перекрестке торчат, за порядком следить? В общем-то, да, за порядком, но только для кого он, этот порядок?

Я отворачиваюсь от девушки и сплевываю в окно. Образ жизни городских нуворишей всегда казался мне отвратительным. Я для них, получается, простак простаком!

Впереди круговое движение. Справа движется грузовик. Пропуская его, я останавливаюсь, уже вполне сносно справляясь с управлением. Наташа говорит с насмешкой:

– Ух, какой грамотный! Правила движения знаешь! И что самое интересное, мало того, что знаешь, так еще и выполняешь их!

У меня внутри все вскипает. Прелесть хочет дешевого кайфа – она его получит! Закусив губу, я вдавливаю акселератор до упора. Очередной патруль ГАИ я прохожу со скоростью мол-

нии и по полосе встречного движения. Но инспектора сидят в своей машине тихо, как мыши, когда рядом кошка.

Следующий перекресток. На светофоре красный. Я не останавливаюсь. Водителю из района, на шикарно отделанной «семерке», словно шило в зад воткнули. Чабан сразу включает музыкальный сигнал и бросается в погоню за нами. Я его красиво подрезал, он теперь обязательно должен меня догнать и узнать имя. Это ему нужно, как пулемет зайцам, но таков местный «кодекс чести». Был в городе, а с городскими не погонялся? В родном ауле уважать перестанут!

На следующем перекрестке я проскакиваю на желтый сигнал. «Семерка» уже идет на красный, и подрезает вишневую «девятку». Эта машина тут же срывается за нами, завывая во всю мощь своих клаксонов. Происходит завязка шаблонной истории: иногда по городу гоняется до десятка машин, перекликающихся «оригинальными» музыкальными фразами. Главное удовольствие этих музык состоит в том, что они издаются контрабандными устройствами, и порой стоят половину машины, на которой установлены. Гонки обычно кончаются тем, что кто-то в кого-то врежется. Тогда, оказав помощь неудачникам и обменявшись впечатлениями, участники разъезжаются. Иногда дракой, но это редко.

Следующий патруль мы проходим уже в четыре машины, оглушая милиционеров страшной звуковой какофонией. «Гаишники» сидят в престижной «Волге». Не простые милиционеры, имеют право на разбирательство с «денежными» мира сего. Они пристраиваются за последней легковушкой нашей пестрой колонны и едут не торопясь – ждут, когда нарушения накопятся, чтобы сорвать куш крупнее.

Я никогда не гонялся, не уважаю, и сейчас сожалею о своей вспышке. Мне хочется выйти из игры. Я резко сворачиваю между двумя пятиэтажками и направляюсь в сквозной двор. Это оказывается плохой идеей: здесь полно народу, а все машины на дикой скорости вваливаются за мной. Мелькают испуганные лица детей, визжат женщины, с хрустом ломаются скамейки. «Гаишники» включают мигалку. К счастью, обходится без серьезных происшествий.

Юркий «Запорожец», одолев извилистую улочку, выскакивает на окружную. Я лщу себя надеждой, что сумел удрать. Но вскоре становится понятно, что от преследователей оторваться не удалось: вся колонна быстро догоняет меня. Особенно старается водитель «девятки» – после двора он с помятым крылом и выбитой фарой. Теперь точно должен догнать! Родственники спросят, с кем гонялся, а он не знает. Значит, не догнал, денег за «жестянку» и моральный ущерб не получил. К тому же «Запорожец»! Позор до конца дней!

Наташа, которая вначале смеялась, потом смеялась и плакала одновременно, теперь уже страдает от нервных колик. Они у нее прерываются ради редких фраз типа:

– Ну, что ты пялишься, морда! Зря пытаешься, фиг тебе! И не получится никогда, ха!

Мне ее настроение непонятно, я неодобрительно молчу. К тому же внимание поглощено трассой: стрелка спидометра достигает цифры «сто двадцать». На такой скорости легкий «запорожец» бросает по дороге, как пылинку в ураганном ветре. Пальцы на руле леденеют: ощущение такое, что сейчас улетим, причем сразу в могилу. Я скриплю зубами. До Наташи, наконец, доходит, что я недоволен участием в гонке. Она говорит мне:

– Ладно, милый, перестань! Я очень тебя прошу! Ну, я боюсь. Послушай, мне страшно! Меня уже давно так не пугали! Успокойся, милый, умоляю! Я все поняла, пожалуйста, прости! Прости!

– Да я не прочь сбросить обороты. Но те, сзади, тогда остановят нас и зададут вопросы. А у меня, как назло, нет подходящих ответов!

– Не будут задавать вопросов, клянусь, не будут! Пойми, мы же не виноваты, что у нас город такой! Если разобьёмся, он лучше не станет!

– Что мне до города, в тебе что-нибудь изменится? Или нет?

Наташа собирается пустить слезу. Не исключено, что от испуга: «Запорожец», вильнув на бугорке, едва не переворачивается. Я вынужденно снижаю скорость. Преследователям кажется, что это я сделал из-за неожиданного препятствия, и они тоже сбавляют обороты. Но затем, разобравшись, берут нашу машину в «клещи». Милицейская «Волга» обгоняет и становится во главе процессии.

У всех сладостный миг, кроме меня. Еще бы: трали-вали минимум на час, а в кармане ни копейки денег. Очень отягощает ситуацию чужая жена и не моя машина. Хорошо, если дело кончится объяснениями в отделении милиции и временным лишением прав. Правда, можно помять физиономию водителям из числа чабанов. Тогда утешением мне будет популярность, о происшествии в городе будут говорить. Но со мною Наташа, а ей огласка ни к чему. К тому же никто не хамит, даже кулака не показывают!

Мы едем уже накатом, однако ни милиция, ни «гонщики» нетерпения не проявляют. Оказывают уважение ко мне, «побежденному»! Давить на психику, насильно останавливать меня сейчас – дурной тон по «местным правилам дорожного движения».

И тут Наташа вновь меня удивляет: она производит манипуляции с кнопками на приборной панели «Запорожца», и наша машина, до этого не издававшая звуков, с такой силой исполняет отрывки из национальных мелодий–символов, что под нами, кажется, дорожные плиты трескаются.

Лично я на какое-то время лишаюсь слуха, а у наших спутников, после некоторого замешательства, будто глаза открываются. Сотрудники «Гай» сразу начинают расталкивать машины, освобождая нам путь. Впрочем, те и так тормозят. Исключение составляет белая «семерка», что первой бросилась в погоню за нами. Водителю городские обычаи в новинку. Он явно не понимает, почему все шло так хорошо, было, о чем поведать друзьям в далеком селе, и вдруг так плохо кончилось: милицейская «Волга» идет на таран и прямо–таки выбрасывает «семерку» в кювет. Остальные водители грустно выходят из машин: думают о расставании с деньгами. Да и ладно бы, заплатить, но ведь мы, их победа, которая была так близка, издевательски уходит из-под носа! И ничего не поделаешь!

Наташа, улыбнувшись, кладет руку мне на плечо и говорит:

– Видишь, Гриша? А ты переживал! Чего молчишь?

Я не отвечаю ей. У меня мокрые от пота брюки, рубашка, даже стельки кроссовок. Кроме того, руки трясутся, а в горле пересохло до «песочного скрипа». Наташа, присмотревшись к моему лицу, говорит умоляюще:

– Перестань обижаться, очень прошу. Знаешь, встречи с тобой все необыкновенные, как и ты. А теперь такое чувство – прикажешь, я открою дверцу и выпрыгну из машины навстречу асфальту. Милый мой, хороший, не сердись! С тобой я узнала, что такое настоящая мужская любовь, мужской характер и мужская выдержка. Любимый, не надо, пожалуйста! – она, прильнув, нежно целует меня.

Я сдаюсь и говорю ей:

– Да я не обижаюсь. Так, немного растерялся от ваших, «байских» привычек.

– Не говори так обо мне! Тебе это отравило вечер, а мне – жизнь. Ты же знаешь город и правила! Если я захочу измениться, клан этого не допустит, пусть даже и ценой моей жизни. Я у них – ширма, реклама, а в замужестве – разменная монета. Нет, отчим меня искренне любит, но... – Наташа опять едва ли не плачет. Мне становится жаль ее.

– Ладно, – говорю я, – забудем хотя бы на время обо всем! Воды случайно у тебя в машине нет?

– Есть! – отвечает Наташа и протягивает мне бутылку. От того, что мир восстановлен, на ее лице сияет счастливая улыбка. А я думаю, что ехать с девушкой по вечернему шоссе и предаваться нудным размышлениям – это ведь не в моих правилах. Этим надо заниматься дома, когда нечего делать.

Я сворачиваю на дорожный серпантин, ведущий к морю, обнимаю девушку и ласково целую ее в теплый висок. Она кладет мне голову на плечо и с горечью рассказывает о накопившихся обидах. Я выражаю участие возгласами. Так мы доезжаем до последнего поворота, и я останавливаюсь: нашим глазам открывается необычайной красоты бухта. Вода в ней, почти всегда спокойная, имеет уникальный оттенок. Отражаясь в этой воде, солнце на закате играет красками так, что, кажется, прекраснее нет ничего в целом мире. По зеркальной морской глади убегает в бесконечную даль поблескивающий алый шлейф, пурпурные цвета на горизонте играют, обрамляя направляющийся в другие края яркий желтый диск. Мы смотрим на эту картину, как замороженные.

Вдруг Наташа протягивает мне фотографию малыша и поправляет зеркало заднего вида так, чтобы я мог видеть отражение своего лица. Я не сразу, но понимаю, что она хочет этим сказать, и крепко, почти до боли, сжимаю ее в своих объятиях...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Как неохота возвращаться к действительности из чудесного сна! Однако в больничном коридоре, не стесняясь в выражениях, громко спорят о преимуществах и недостатках колхозной системы сельского хозяйства.

Я поневоле открываю глаза и вижу Сашку. Он зашел после работы, сидит на краешке Колиной кровати. Заметив, что я проснулся, протягивает мне булочку и стаканчик с чаем из термоса.

Еда вызывает у меня прилив здоровой бодрости, и я спрашиваю у друга, где можно устроиться на работу. Сашка, почесав затылок, говорит:

– Наш райцентр – ужасная глухомань, не рекомендую. Может, съездишь в Обнинск? Хотя город переполнен беженцами, и без постоянной прописки в нем делать нечего, холостяка, не исключено, возьмут по лимиту и койку в общежитии дадут!

Я наливаю еще немного прозрачного цветочного чаю и после раздумья говорю:

– Нет, пожалуй, я затоскую в Обнинске. Это далеко, а кроме тебя, у меня нет никого. Давай так: я оформлюсь здесь, акклиматизируюсь, привыкну к местному менталитету. А там видно будет!

– Ну, если ты не против обосноваться в нашем захудалом районе, – Саша очень рад и не скрывает этого, – тогда советую обратить внимание на такую контору, как районный телефонный узел, или РТС. Я наводил справки, там нужны специалисты твоего профиля!

От такой информации уже хочется что-то делать. Мне сразу кажется, что я слишком долго болею. Поэтому, допив чай, я говорю другу:

– Поедем к тебе, я заберу «Москвич», вернусь, оставлю его во дворе больницы. А завтра незаметно уйду отсюда, и направлюсь в этот, твой РТС. Вечером придешь, будет известно, берут ли меня. Тогда обсудим ситуацию предметно!

Сашка мимикой выражает сомнение в том, что я смогу сидеть за рулем. Но я с такой решимостью смотрю на него, что он соглашается.

Когда Сашка везет меня, нас обгоняет рокер на «Яве». У рокера за спиной подруга в коротенькой юбочке. Как ей только не холодно? Мысль о красавице, мерзнувшей осенью на мотоцикле, волнует меня, пока я не начинаю разглядывать красивые поля и островки хвойного леса по краям дороги.

Там, где я родился, лишь песчаные барханы, а из привычной растительности – верблюжья колючка. Я думаю, что на обратном пути обязательно прокачусь, посмотрю ландшафт. Возможно, почувствую российскую глубинку. Есть в ней что-то такое, что придаст моей жизни новый смысл? А то, грустно! Я собираюсь впасть в меланхолию, но меня отвлекает Сашка, который, как известно, долго молчать не умеет:

– Хочу рассказать, Гриша, как я познакомился с симпатичной командированной!

– Ох, Саша, и где свербит у тебя, что при всех твоих тяготах, ты флиртом занимаешься?

– А что прикажешь? Сидеть в избе и слушать Лену? Ее бесконечное нытье, какой я неприспособленный к реальной жизни неудачник? Я так, взаправду сломаюсь! Впрочем, не будем, лучше я о приключении расскажу!

Сашка умеет увлечь своими любовными похождениями, и в нашем возрасте подобные истории всегда слушаются хорошо. Но на самом интересном месте он прерывает повествование: резко затормозив, сообщает, что мы приехали. Я осматриваюсь. Маленькая деревенька. Вдоль посыпанной гравием дороги тянутся двадцать изб. Та, возле которой мы остановились, самая крупная, однако ушла в землю и покрыта белыми пятнами плесени.

Половина, что Саша снимает, освещается едва тлеющий лампочкой под потолком. Но и этого нещедрого освещения достаточно, чтобы разглядеть всю трагедию живущей здесь семьи. Возле деревянных ящиков, заменяющих мебель, дети играют сломанным грузовиком, катая его по щелястому полу. Лена за шатким столом привычно сидит так, чтобы поймать вечернее солнце, с трудом проникающее через мутное оконное стекло. Она пытается наложить заплатки на дырявые простыни. Лоб у нее нахмурен, губы сжаты. Но моему появлению искренне радуется:

– Ой, Гриша, выздоровел! Как хорошо! Оказывается, и в этом паршивом существовании бывают перемены к лучшему! Молодчина! Ну, проходи, рассказывай, как тебе удалось?

– Здравствуй, Лена! – как можно шире улыбаюсь я, – Нечего рассказывать! Точно подметила: выздоровел, а не вылечили. Медперсонал относится ко мне странно. Подозревает, что я скорее злостный симулянт, чем их пациент.

У нас завязывается дружеский разговор. Через некоторое время Саша, деланно потирая руки, предлагает приготовить ужин по-быстрому. Я отказываюсь.

– Ты нас огорчаешь! – говорит Саша.

Только мне кажется, что не очень, исходя из того, как Лена повела бровями. Подумала, что, к счастью, ей не нужно идти во двор, растапливать печь.

Дети наконец замечают мое присутствие, оставляют игрушку и подбегают ко мне. Я присаживаюсь на корточки и обнимаю их. Они «мучают» меня за волосы, спрашивают, почему я так долго не приходил. Супруги с умилением смотрят на нас, Лена украдкой вытирает слезы. Мы все во власти воспоминаний.

На обратном пути я останавливаюсь на одном из перекрестков, возле голосующей девушки. Присмотревшись, я вижу, что это подруга рокера. Я узнаю в ней Настю, процедурную медсестру из больницы. Но что она делает здесь, вдали от населенных пунктов, в столь поздний час? Мотоцикл сломался? Я опускаю стекло на дверце автомобиля и говорю:

– Добрый вечер, Настя!

– Григорий?! Как вы тут очутились? Вы должны тихо и смиренно лежать под одеялом в отделении! – удивляется медсестра.

– Так получилось! – я делаю неопределенный жест рукой.

Настя безразлично кивает головой, смотрит вдаль дороги, а затем спрашивает:

– Подвезешь меня до работы?

– А почему нет? Садись! Но ведь ты уже сменилась! Забыла чего?

– Да не забыла! Я сутки дежурю: отгул зарабатываю. А сейчас отпросилась, мне тут нужно, кое – куда. Договорилась со знакомым, чтобы съездить с ним на мотоцикле. Но мотоцикл нас подвел!

Рассказывая, Настя открывает дверцу и усаживается на переднее сидение автомобиля. При этом она совершает много ненужных, откровенных движений телом. Оглядевшись в салоне, говорит томным голосом:

– А чехлы у тебя классные!

Сама того не подозревая, она задела в моей душе струнку. Чехлы преподнесла мне Наташа на день рождения. Причем весьма оригинальным способом: подхожу, открываю машину, а они, батюшки – светлые, надеты! Да, Наташа! Она знает, что и как дарить! Я вздыхаю.

Настя мои чувства толкует по-своему. Обворожительно улыбаясь, она подвигается ко мне так близко, что, кажется, ближе уже невозможно, и голосом, переходящим в жаркий шепот, говорит:

– Послушай, южный, а может, ты меня отвезешь? Знай, в долгу не останусь!

Ее декольте, словно само собой, становится глубже. Сколько раз я давал себе слово в таких случаях быть тверже, не попадаться на эти «женские штучки»! Но вместо категоричного отказа я неуверенно спрашиваю:

– А тебе как, далеко?

– Не очень. Пару километров.

– Ну... хорошо, я все равно хотел прокатиться! – нехотя соглашаюсь я.

Настя тут же лениво отодвигается. Считает, что теперь я никуда не денусь. Мысленно укоряя себя за податливость, я разгоняю машину до скорости ветра в штормовом море. От этого получаю такое удовольствие, что, забывшись, в полный голос исполняю песню собственного сочинения на фарси. В результате не сразу понимаю, почему Настя кричит мне в ухо:

– Приехали! Приехали! Тормози!

Оставляя на мокрой траве обочины след от колес, я останавливаюсь в придорожных кустах, за которыми в наступивших сумерках угадывается длинное одноэтажное здание. Настя высовывается из окошка «Москвича», и машет рукой водителю грузовика, недовольному нашим маневром, чтобы он ехал дальше. Затем она шипит в мой адрес:

– Спасибо с поклоном, что хоть здесь затормозил! Что ж, обожди, я ненадолго!

– А что это? – спрашиваю я, сквозь кусты разглядывая здание, похожее на барак.

– Колхозная гостиница для шабашников! – отвечает медсестра.

Она выходит из машины, и, цокая каблучками, идет по бетонке к недалекому съезду. Я провожаю ее взглядом, а затем, зевнув от скуки, пытаюсь настроить радио. Но тишину вдруг нарушает автомобильный сигнал такой длительности, что я решаю пробраться к гостинице напрямую, через заросли, и посмотреть, что происходит.

Настя находится на стоянке, возле единственной машины, марки «Волга». Просунув руку в открытое окошко, она изо всех сил давит на кнопку клаксона. У меня сердце сжимается: на «Волге» такие же, как и у меня, автомобильные номера. Надо же, земляки! Хорошо, что я сюда не заехал! У меня совсем нет желания с кем – либо общаться, а тем более, по-восточному, словоохотливому обычаю.

Гостиничная дверь на пружине хлопает, и с крыльца, освещенного яркой, но криво вкрученной лампочкой, спускается мужчина с темным лицом. Он идет к Насте не спеша, обнажив в улыбке зубы, которые, от первого до последнего, все золотые. На ходу он ругает женщину непонятными ей словами. Настя хмурится, чувствует, как ее «приветствуют». Она перестает сигналить и говорит грубо:

– Привет, кучерявый! Ищ, как челюстями рассерверкался! Ты не лыбься, лучше скажи, деньги где?

– Зачем тебе? Баба без денег, не пропадет! – говорит кучерявый на русском, и сально усмехается.

– Ты, скотина, паразит, деньги гони! Я что, зря под вами ночь на казенной койке провела? Обещали ведь: за спец лечение, хорошо заплатим!

– Паг – паг – паг! – загибая пальцы, говорит мужчина, – самогонку пили? фрукты, овощи кушали? Расчет, дорогая! – подойдя, он пытается схватить женщину за грудь.

Настя отпрыгивает и достает из сумочки охотничий нож. Действует она уверенно, но недостаточно быстро. Мужчина с презрительной усмешкой перехватывает ее руку и выворачивает в локтевом суставе. Пальцы у Насти разжимаются, нож падает, звякнув на камне. А «кучерявый» бросает Настю на капот автомобиля, лицом в металл. Настя извивается, пытается вырваться, громко кричит.

На шум из гостиницы выходят еще двое. Они идут, на ходу обмениваясь короткими, рублеными фразами. Тот, что повыше, с глазами садиста, кладет мускулистые пальцы на шею Насти и с силой давит. Девушка постепенно затихает. «Кучерявый» отпускает ее, и она медленно сползает на землю по полированному боку «Волги».

Третий персонаж, с волевым лицом, покрытым холеной щетиной, постарше, чем остальные, низкий, в плечах по-спортивному широкий, наклоняется, переворачивает Настю на спину и разрывает на ней кофточку. Внимательно рассматривает ее, даже проверяет, целы ли зубы.

Ничего не понимаю! На рядовое изнасилование не похоже! Загадка разрешается быстро: из их разговора я понимаю, что стал невольным свидетелем того, как обдeldывают дела современные работорговцы.

Садист достает из багажника машины аптечку. Похоже, Насте сделают укол опиума, и она очнется уже в лагере боевиков. Там, в какой-нибудь землянке, умрет, когда станет никому ненужной.

Я никак не могу определиться, вмешиваться мне, или нет. Стараясь не тревожить ветки кустов, тихонько возвращаюсь к своей машине. Ну, в самом деле, женщины такого сорта добровольно выбирают себе жизненный путь! Поеду, сообщу милиционерам, пусть примут меры! Я сажусь за руль «Москвича», но вдруг думаю: а они успеют принять, эти меры, до того, как Настю увезут отсюда?

Не в силах подавить противный голос совести, я заставляю себя вернуться обратно. Здесь я вижу следующую картину: «кучерявый» пытается совершить с еще пока бесчувственной Настей половой акт, а двое других мужчин копаются в «Волге». С руганью выясняют между собой, куда могли подеваться шприцы. Определенно, Насте повезло: во-первых, я тут оказался, во-вторых, похитители редкостные ротоzeи!

С «кучерявым» мне удаётся справиться легко: я отправляю его в глубокий нокдаун одним ударом. Зато широкоплечий принимает характерную для национальной борьбы стойку, которая сообщает, что у меня серьезный соперник. Долгого поединка я не выдержу: свистящее дыхание выдает меня с головой. Широкоплечий это понимает. Он зло щерится, делает резкое движение, цепко хватает меня, и всего через минуту активного сопротивления я лежу под ним. Позвоночник у меня трещит, я паникую, что сейчас он мне его сломает, как ... хватка ослабевает. Это очнувшаяся Настя нашла свой нож и порезала им шею борца. По его дорогому пиджаку течет ручеек крови.

Я отбрасываю от себя широкоплечего и поднимаюсь. Однако времени, чтобы прийти в себя, нет: после скрипа гостиничной двери на крыльце появляется «садист» с пистолетом в руке. Пока мы дрались, бегал за оружием. Он молодой, и от волнения непрерывно подкашливает, как туберкулезник. Поэтому первый выстрел отправляет высоко, в небо.

Как глупо! Уехать, оставить родину, но все-таки получить ТУ САМУЮ ПУЛЮ. Как будто в городе меня не мог такой же пристрелить! Или от судьбы не уйдешь?

Находясь в отчаянии, я забираю нож у Насти и бросаю в стрелка. Не глядя, попал ли, я толкаю женщину к дороге, и мы бежим через кусты к моему «Москвичу». За спиной вновь слышен пистолет, возле уха шелестят сбитые свинцом листья.

К счастью, мы успеваем уехать до третьего выстрела.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Почти до самого райцентра мы молчим, и это странное молчание: так молчат сообщники, когда думают об одном и том же, и как бы ожидают, кто первый додумается до чего-нибудь толкового.

– И зачем, зачем ты туда поехала? – тишину первым нарушаю я.

– Ахмед позвонил ко мне на пост, сказал, если я приеду ненадолго, хорошо денег даст. И за прошлый раз тоже. Я не знала, что он не один будет! – пытается оправдаться Настя.

Мне хочется много чего ей сказать. И про нее саму, и про то, чем она все равно закончит. Но, сдержав себя, я лишь говорю:

– Ладно, что сделано, не вернешь! Если нас милиция побеспокоит, что скажем?

– На природе любовью занимались, из машины не выходили и ничего не знаем. – Произносит Настя, уж слишком легко.

– Хорошо! – сухо говорю я, останавливая машину перед больничным корпусом.

Прикрывая грудь рукой, Настя просит меня тоном, в котором слышится намек на нечто этакое, многообещающее:

– Надеюсь, ты не откажешься принести белый халат из процедурной? Ведь мужик нынче бешенный, бабе голой не даст спокойно пройти!

Я морщусь от ее тона. Однако, кивнув головой в знак согласия, поднимаюсь на этаж и тихо иду по коридору. К сожалению, остаться незамеченным не получается: Коля, в отличие от других больных, не спит. За версту заметно, что он под «змием», и его распирает от желания с кем-нибудь пообщаться. Увидев меня, он приподнимается на койке, и, громко скрипя сеткой, отчаянно жестикулирует, приглашая подойти. Как некстати!

– Чего тебе, Коля? – недовольным шепотом спрашиваю я.

– Настроение хорошее, Гриша–а! А тебя больничное начальство искало. Очень возмущалось, что где-то шляешься. И Настю спрашивали. Не знаешь, где она? Обещала, ночью будет.

– Сейчас появиться. Внизу твоя Настя, болтает со скоропомощными. Просила меня принести... жгут. Там укол надо срочно сделать. Извини, Коля, вернусь, тогда поболтаем!

Я захожу в процедурную, беру с вешалки халат и прячу под свой пиджак. Затем нахожу жгут, и, демонстративно держа его на вытянутой руке, иду вниз.

Но по внешнему виду людей иногда можно догадаться об их отношениях. Когда мы возвращаемся, Коля что-то подмечает, наблюдая, как я иду рядом с Настей. Он сразу зажигается идеей поговорить на эту тему. Однако, я, не слушая его, надеваю пижаму и ложусь в койку. Глаза у меня слипаются. А сосед, вместо того, чтобы оставить меня в покое, трясет мою кровать за спинку и задает грубым тоном вопрос:

– Да сколько можно спрашивать, где ты шастал столько времени?

Я понимаю, что этак он тут всех перебудит, и вынужденно отвечаю:

– У Сашки сидел!

– А Настю где подцепил? – не унимается Коля.

– На дороге голосовала. Немного подвез бедную женщину. По пути останавливался, рассказывал ей про свою жизнь, полную приключений. Не знаю, как я Насте, а она мне очень понравилась! – необходимо создавать алиби, и я говорю с бахвальством, обычно мне не свойственным.

– Шустрый ты! – усмехается Коля, – хотя с Настей, это не подвиг, она на таких, как ты, загодя в охотничью стойку становится. А подвез на чем? У Сашки машину одолжил?

– Почему у Сашки? У меня своя есть. Выгляни в окно, «Москвич» стоит. Мой!

Коля поворачивается к окну и долго смотрит. Потом занимает прежнюю позу на кровати и спрашивает тихо, но еще грубее, чем до этого:

– Сколько тебе лет, Гриша?

– Тридцать.

– Машину сам покупал?

– С отцом скидывались.

– Да! У вас, на востоке, с деньгами хорошо. Небось, и с собой привез немерено! А тут всю жизнь горбатишься, и ни фи́га за душой, вынужден у тебя на пол–литра просить! Как же, ждали тебя! Теперь такая черная рожа, как ты, нас, русских, жить будет учить, а за глаза смеяться над нами. Нужен ты здесь! – Коля в досаде сплевывает на пол и отворачивается от меня.

Я изумленно смотрю на него. Надо же! В родном городе считался Ваньком–дураком–работягой, а в России, которую я считаю своей большой Родиной, оказался ненавистным «черным» миллионером. Я горячо говорю Коле:

– Коля, ты не прав. На востоке мне постоянно твердили, что я, русский, пытаюсь въехать в рай на их хребте. Там меня били за то, что я русский. А здесь ты мне объявляешь войну. Что-то не складывается: Восток отказывается, Россия не признает. Ну почему, вместо того, чтобы принять нас, родина отвергает? Ведь я готов отдать за Россию жизнь, а ты говоришь, что я ней не нужен. А кто ей тогда нужен?.. – я замолкаю, увидев, что Настя выбежала из процедурной с кислородной подушкой, и показывает рукой, чтобы мы вели себя тише.

Коля вновь снижает свой голос до шепота и продолжает отстаивать свою точку зрения:

– Был я в ваших краях проездом, когда работал водителем «КАМАЗа». Русские на востоке давно переняли все их обычаи, не отличаются от местных. Ко мне относились плохо и драли с три шкуры!

– Да, Коля, действительно, имеются русские, которые не только переняли обычаи, но и вросли в существующие там системы товарно – денежных отношений. Так вот они, «вросшие», тебя и обидели. Однако судить по ним нельзя, они не показатель, ты лучше вспомни о тех, кто честно работал на предприятиях и учреждениях. Вот тебя затронуло, что у меня есть машина. А я, Коля, между прочим, окончил институт, и после него на полторы ставки работал инженером–наладчиком высшей категории. А ты думал, я на рынке торговал?

Однако для Коли мои слова пустой звук, у него на лице по–прежнему выражение несогласного упряма. Дождавшись, когда я закончу говорить, он запальчиво высказывается:

– Хорошо, на счет тебя я не прав, но это ничего не меняет. Русские, что приезжают сюда, другие. Скупают дома, участки. И хорошо устраиваются! Ты, небось, пойдешь работу искать, взятку дашь и на плохое место, не устроишься!

Я думаю – ну как ему объяснить разбитую жизнь и трагедию беженца? И есть ли Коле вообще дело до чужой беды? Он находится в воображаемом мире «местечковой правды» и не желает понимать чужую жизнь! Я делаю последнюю попытку:

– Коля, а что это – быть «настоящим» русским?

– Не понял? – удивляется он.

– А ты сказал, что приезжие русские – другие. Не такие, какие должны быть! Вот я и спрашиваю тебя, а какие они, «настоящие» русские?

Коля довольно долго напряженно думает, а затем спрашивает:

– Ты старый фильм «Путь самурая» смотрел?

– Смотрел. – Киваю я в ответ.

– Самураю все пофиг. Он пьет, живет сегодняшним днем, и мечтает красиво умереть.

Но японцы против нас, русских, слабаки! Понял?

– Понял! Настоящий русский – это как японский самурай, только значительно круче! – говорю я.

– Ага! – не замечая моей иронии, соглашается Коля.

– А Настя ничего баба, а, Коля? – спрашиваю я для того, чтобы выяснить, не она ли является причиной его вспышки, и заодно перевести разговор.

– Ничего, ничего, – Коля еще что-то бурчит себе под нос, затем лезет в тумбочку, достает бутылку и неожиданно предлагает:

– Будешь самогонку?

Мне кажется, что это он из приличия, и я вяло отказываюсь. Но Коля настаивает:

– Давай, давай, выпьем! Я спать лягу. А то буду лежать, страдать от недопития. А с Настей, не бойся, я вам не помеха. Это моя жена думает, что я с Настей гуляю. Но это не так! Ладно, завязываем болтать. Держи стакан!

Коля заставляет меня проглотить граммов пятьдесят крепкой сивухи. Без закуски спиртное так расслабляет на нас, что через пять минут мы дружно засыпаем.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

И я опять в «УАЗе» Эльдара, с Костей и Кариной, в моем городе. У подошвы горы камыши заканчиваются, и машина, буксуя на щебенке, выскакивает на насыпное плато – искусственный полуостров среди болот. Теперь поздно скрываться, мы на виду и произвели достаточно шума. Я тревогой озираюсь по сторонам. В наступающих сумерках «УАЗ» медленно ползет по мрачной местности: нет птиц, собак, людей. Кругом фундаменты и недостроенные цеха комбината строительных конструкций, которые словно специально преграждают путь, не желая нас пропускать. В глаза бросаются свежие россыпи стреляных гильз. На повороте высоченные трубы из кирпича, между ними натянут потрепанный ветром красный материал с лозунгом «Братская дружба народов СССР нерушима!». Я пытаюсь подавить дурацкий смешок, но он у меня все равно вырывается.

Костя перебирается на сидение рядом со мной. Держа ружье наготове, закуривает. Мне тоже хочется курить, я прошу, он оставляет затяжку. Карина тихо стонет на заднем сидении. Она показывает невероятную силу воли. Глядя на нее, я начинаю верить, что мы прорвемся. Надежда и мужество – лучшие спутники тех, кто борется за свою жизнь!

Наша машина благополучно покидает плато и принимается прыгать по сухим руслам, петля за петлей поднимаясь вверх, по крутому склону горы. Я знаю, что на ее плоской, как блин, вершине, строители оставили недостроенным путепровод. Брошенная, неиспользуемая дорога, из города в никуда, сейчас должна спасти нас.

Передние колеса круто задираются, перегревшийся двигатель, ревя, на последнем издыхании тащит нас вверх, прямо в яркую луну. Несколько мгновений кажется, что мы вот-вот опрокинемся и полетим по склону вниз. Однако чудо происходит: «УАЗ» вырывается на вершину, и шины мягко шуршат по асфальту путепровода.

Всего через двадцать минут дорога нас легко и просто вносит в город. В мой город, родной и любимый, теперь презираемый.

Я увожу машину в старый район, в лабиринт из одноэтажных построек, которые знаю, как свои пять пальцев. Но здесь мы опять падаем на войну! На перекрестке стоят два БТРа, рядом лежат автоматчики. Они стреляют по противоположному зданию, с крыши которого коротко строчит пулемет. Их никак не объехать, и я на полной скорости проношусь между воюющими сторонами, прижимаясь к длинному забору из красного кирпича. От выстрелов кирпич крошится, обдавая нас коричневыми крошками. Наверное, те несколько секунд, что это длится, мое сердце не сокращается ни разу.

Каким-то непостижимым образом мы избегаем смерти, и оказываемся на ведущей к вокзалу улице. Она целиком заполнена пешеходами. Это улица беженцев. Часто стоят обгоревшие автомобили, валяются чемоданы, узлы, детские вещи.

Люди движутся в разных направлениях. Мы едем среди них, в настоящем хаосе, пока я не замечаю, что нас пытается догнать, моргая фарами, войсковой «УАЗ». Точная копия того, что преследовал меня, кажется, уже тысячу часов тому назад. Я понимаю, что нашу машину пора оставить – она слишком заметна. Я резко останавливаюсь возле брошенного жителями большого дома, где вместо окон черные дыры – квартиры сгорели.

Взяв Карину на руки, мы забегаем в подъезд. Слышится скрип тормозов «Уазика» военных. Они не очень торопятся за нами – боятся в наступившей ночи нарваться на пулю.

В квартире на первом этаже я придвигаю к входной двери пианино. Затем мы перемещаемся в дальнюю комнату, где лезем в окно, которое выходит на привокзальную площадь. Она охраняется хорошо организованными подразделениями морской пехоты, и сразу несколько автоматных стволов оказываются направленными на нас. Я медленно спускаю Карину брату

и выпрыгиваю сам. Из глубины квартиры доносится грохот ломаемой двери и жалобный звук рвущихся в пианино струн. Не оглядываясь, мы бредем по огромному пространству к цепочке автоматчиков, за которыми шеренгой выстроились БМД. Далее стоят палатки с красными крестами и горят костры.

Молоденький лейтенант в маскхалате, с надвинутой на лоб каской, приказывает солдатам обыскать нас, после чего брату с сестрой разрешает пройти, а мне «рекомендует» ненадолго задержаться. Похоже, после сегодняшних подвигов мне предстоит встреча с военным следователем.

– Ступайте, родные! Я все равно не собирался уезжать с вами! Напишите, куда вас отправят. Мой адрес вы знаете! – говорю я.

Карина пытается улыбнуться мне, Костя просто кивает на прощанье, выражая благодарность глазами. Брат подставляет сестре плечо, и они ковыляют к вокзалу. Я смотрю, как они пробираются между такими же, как и они, беженцами, и внутри у меня возникает горькая пустота.

Лейтенант переговаривается по рации, и вскоре к нам подходит человек, при виде которого я, не смотря на крайнюю усталость, сильно удивляюсь:

– Эльдар? Ты?!

– А что, не похож? – спрашивает он сквозь зубы.

– Вот именно, похож! – усмехнувшись, говорю я, – и не более того! Впрочем, ТЕБЕ это будет сложно. И как ты в такой неразберихе меня разыскал?

– Не разыскал, а вычислил. Но это ТЕБЕ будет сложно, Гриша. Лейтенант, спасибо, дальше мы сами разберемся! – произносит Эльдар.

Военные отходят. Эльдар нажимает кнопку на своем передатчике и говорит в микрофон:

– Центральный, я – Восток десять.

Передатчик, зашипев, хрипит динамиком:

– Центральный слушает.

– Прошу «зеленую дорогу» от вокзала до штаба! – Эльдар ждет ответа, как в суде обвиняемый приговора.

– Восток – десять, дорогу даю. По прибытию к руководству! – следует ответ.

– Центральный, понял! – Эльдар облегченно вздыхает и говорит, обращаясь ко мне, – ну, шустрый наш, пойдем!

Он пропускает меня вперед, и мы направляемся во двор дома, где я оставил его машину. Двигается Эльдар пружинисто, передатчик в руке держит, как пистолет. У меня возникает ощущение, что он меня конвоирует. Я спрашиваю его:

– Так как ты тут оказался?

– Я же сказал, – Эльдар криво улыбается, – вычислил! В городе мою машину знают все, и никто не захочет со мною связываться. Единственный человек в нормальном рассудке, который мог пойти на угон, это ты. Хорошо зная тебя, я сразу понял, что это могло случиться, если тебе надо кого-то вывезти. У беженцев единственный путь в городе – вокзал. Я сомневался в своих предположениях до той минуты, пока по рации не стали поступать сообщения о твоих «подвигах». Осталось только прийти сюда и ждать. Знаешь, тебе всегда везло. Но в этот раз, это что-то особенное. Никто в городе не смог бы проехать сегодня из центра в микрорайон, а затем оттуда к вокзалу. Ты это сделал. Но о том, что это был ты, знаю лишь я. Все уверены, что кто-то использует копии «УАЗов» народного фронта для сложной игры. А теперь, Гриша, подумай, что будет, когда выяснится, что везде была всё та же машина? И что управлял ей один человек? А?

– Так ты, Эльдар, ждал меня, и к своим, даже на связь не выходил?

– Гриша, дорогой, да если бы я себя проявил, то меня давно уже за утерю машины к стенке поставили!

– Фантазируешь, Эльдар! Сегодня в городе столкновения и убийства происходят ежеминутно, если не ежесекундно!

– Но не на машинах народного фронта. У нас нейтралитет, мы к насилию никакого отношения не имеем! – Эльдар поднимает палец и напыщенно добавляет, – это стержень нашей политики!

Я фыркаю.

У многострадального «УАЗа» Эльдара нас встречает отделение солдат. Командир отделения, сержант, смотрит на меня так, что мурашки бегут по телу. Однако Эльдар говорит сержанту что-то, и тот с сожалением кивает головой. Солдаты уходят, на всякий случай спина к спине, держа на прицеле все, что им видно, за исключением, пожалуй, лишь самих себя. Эльдар, обходя свой «УАЗ», рассматривает его, насколько это возможно в условиях городской тревожной ночи. Затем огорченно говорит мне:

– Да на этой машине доехать до штаба и выбросить! Да, Гриша, наделал ты дел! Похоже, не напрасно я спас тебя от легкой смерти!

– А меня никто и не собирался...

– Приедем в штаб, проверишь свои ощущения! – перебивает меня Эльдар.

– А чего проверять-то, не было меня нигде, и вообще, ты мою личность из дома вытащил, оторвал от приятного занятия с женщиной. До сих пор горю любовным томлением!

– Определенно погаснешь, если я попрошу военных разыскать на площади одного парня с девушкой. Ну как, такой разговор тебя устраивает? – зло говорит мне Эльдар.

Он садится на место пассажира, принимает величавый вид, будто у нас есть зрители, и важно произносит:

– Заводи, поедем! Все сократишь неприятное ожидание действием!

Я трогаю «УАЗ» с места, и тут у меня появляется интересная мысль, которой мне хочется поделиться с Эльдаром:

– Эльдар, а что, если я сокращу не свое ожидание, а наши жизни? И весьма значительно? Мне кажется, городу много пользы будет от этого.

Эльдар бледнеет, когда видит, какую я набрал скорость. Он сделал ошибку, уступив мне управление: первый же заслон, на сигналы которого я не отреагирую, откроет огонь на поражение.

Эльдар начинает говорить, и впервые за долгое время я слышу его такого, как прежде, таким, каким он был в детстве:

– Гриша, пойми, ты своими действиями раздражил слишком многих! Другой на моем месте, чтобы спасти свою шкуру, тебя бы там, на площади, шлепнул! И привез уже «готовенького». А я же потащил тебя с собой, рискую страшно, надеюсь, повезет, выкрутимся. Верь мне! – он дружески касается рукой моего плеча.

От его заученного митингового жеста меня тошнит. Может быть, бросить его, убежать? Удобные места по пути есть. Хотя нет, может отомстить Косте и Карине. Осуществить свою угрозу, вместе с ним убиться? Но кураж уже проходит. Я решаю довериться судьбе, и сбрасываю обороты двигателя. Эльдар облегченно вздыхает, располагается вольно и оставшуюся дорогу лениво переговаривается по рации с патрулями.

У драмтеатра, который временно является штабом народного фронта, большое количество машин, но размалеванных так же, как и наш «УАЗ», почти нет. Едва я хочу припарковаться, «обычные» машины услужливо освобождают место.

Оживленные кучки вооруженных кто чем, в основном охотничьими ружьями, бородачей, не обращают на нас никакого внимания, когда мы поднимаемся по мраморным ступеням и входим в здание. Огромное фойе, украшенное фресками и хрустальными люстрами на лепном потолке, невозможно грязно, и до отказа набито людьми, в основном, сельскими жителями. У

них равнодушные глаза и уставшие, озлобленные лица. Они сидят или спят на полу в неудобных позах.

Перед лестницей на второй этаж нас останавливают и грубо обыскивают. Эльдар не проявляет беспокойства, подчиняется. Вероятно, такой порядок. После обыска, так и ничего не спросив, пропускают, и мы идем по коридору второго этажа. Здесь народу не меньше, чем внизу, но к моему удивлению, я почти всех узнаю в лицо. И слышу вот что:

– О, Гриша к нам пришел! Ты какими судьбами? Что, тоже с нами?.. А, Эльдар! Здорово, Эльдар.

По мере продвижения я встречаю столько знакомых, что получается как бы общий разговор, который, как эстафетная палочка, передается дальше:

– Да вот, к Эльдару водилой нанялся. Взял меня по старой дружбе!

– Гриша, брось ты его, он сквалыга! Иди к нам, валютой платить будем!

– Да она у вас, по слухам, фальшивая! К тому же я беру исключительно свеженькими девушками!

– Ну, так этого у Эльдара никогда не было, гляди, прогадаешь!

Путь нам преграждает Эдик, высокий тощий парень. Помнится, в классе этак в десятом я с ним подрался из-за девчонки. При встрече мы часто вспоминаем об этом, она стала его женой. И сейчас я спрашиваю его задорно:

– Эдик? Здорово, аксакал! Как красавица Гюля, дети?

– Гришка, паразит, что ты тут делаешь? – он отвечает мне легкий тумак и затем говорит Эльдару, – салам. Комитет мне поручил встретить тебя.

Дальше мы движемся уже втроем. Я иду чуть сзади, едва успеваю отвечать на обильные приветы и подначки. Надо отметить, что шум здесь стоит ужасный. В комнатах с широко открытыми дверями трещат телефоны, в непрерывно снимаемые трубки кричат что есть мочи, отдавая распоряжения в густом сигаретном дыму. Очумелые машинистки печатают послания, обращения, листовки. В одной из комнат я вижу журналиста Эмина, который, нервно шагая по иранскому ковру, диктует статью одновременно двум разноязычным стенографисткам. Не переставая работать, он приветствует меня взмахом руки и дружески улыбается. И чего я так не хотел сюда ехать?

На ходу в мой живот упирается лысой макушкой наш институтский диск-жокей, вечно торопящийся толстяк. Я успеваю схватить его за локоть и сделать характерный жест. Он нисколько не удивляется, сбрасывает мне на ладонь сигарету и бежит дальше. Не знаю, кто он здесь, но по озабоченности всегда тянул на министра финансов. Я кладу сигарету за ухо и догоняю Эльдара с Эдиком. Мне надо бы иметь представление, как вести себя дальше. Я прислушиваюсь к их шепотку. Говорит Эдик:

– ... и вот в такой ситуации поступает сообщение, что «УАЗ» народного фронта задержал продвижение воинской колонны. Митингующие на поле, до этого посылающие наших представителей куда подальше, резко меняют свое мнение. Колонна направлялась разогнать митинг, и акция по ее задержке воспринимается с энтузиазмом. Военная комендатура, возмущенная происшедшим, объявляет нас почти вне закона. Представляешь: на поле 50 тысяч человек режут от восторга, а мы бездействует из-за ссоры с войсками! Затем приходит сообщение, что из того же «УАЗа» в микрорайоне убили «черного» Вагифа с двумя приближенными. Войска шлют благодарность, а те главари микрорайонов, что были против Вагифа, объявляют о поддержке комитета. Кто были за него – войну. Тогда митингующие на поле оказываются в полном недоумении, и, как аборигены из анекдотов, присылают к нам делегацию, чтобы мы, «Академия наук», объяснила им свою позицию. И наш комитет, наконец, получает шанс сказать слово народу. Срочно вырабатывается манифест, включающий в себя следующие основные положения: об ограничении находящихся в городе войск; о решительном пресечении мародерства и убийств лиц иных национальностей; о создании национальной гвардии из числа желающих

поддержать комитет вооруженных формирований. По секрету скажу тебе, что о том, чей это «УАЗ», о котором столько сообщений, знают только члены комитета. На тебя, Эльдар, объявлен лишь розыск. Не знаю, о чем они с тобой будут говорить, но то, что ты одна из центральных фигур сегодняшнего дня, так это бесспорно! Особенно тебя оценили, когда узнали, что ты доставил на вокзал беженцев! В такой обстановке проявлять о них заботу!

Эльдар сильно поражен услышанным. Следует признаться, я тоже.

Зал для конференций, где находятся члены комитета, охраняют строгие, в отличной экипировке, парни, настоящие «коммандос». Когда мы проходим мимо, они просвечивают нас взглядами, как рентгеном.

Оказавшись в зале, я с волнением осматриваюсь. Много света, длинные полированные столы сдвинуты в пятиугольник. Но кто за столами сидит! С одними жил по соседству, у других учился, с третьими встречался по различным поводам! Эдик эффектно (наверное, сказывается влияние стен драмтеатра) выталкивает Эльдара вперед. Члены комитета встают и приветствуют его стоя. Когда садятся, председатель указывает Эльдару место за столом справа от себя. Эльдар не заставляет ждать, делает шаг вперед, но потом, заметив, что все с удивлением рассматривают меня, краснеет и останавливается. Думает, что сказать. Я опережаю его и отвешиваю присутствующим легкий поклон. Мне удастся вложить в него столько, что члены комитета как-то сразу все понимают и их взгляды становятся ироничными. Действительно, свеженький и чистенький Эльдар, по сравнению со мной, изодранным и окровавленным, похож на гипсового херувимчика.

Из-за стола, где сидит председатель, поднимается отчим Наташи. Он смущенно откашливается, прежде чем говорить. У меня возникает такое чувство, что он думает о том же, о чем и я, когда увидел фото его внука.

Голос у отчима тихий, но присутствующие внимательно слушают. Он выражает горячую признательность за помощь. Говорит, что такие, как я, им очень нужны. Ерунда! Нации нужны национальные герои, а не всякие там инородцы. Эльдар бросает на меня красноречивые взгляды. Не беспокойся, Эльдар, мне славы не надо, дарю!

А вот интересно, знает он, чем все кончится, отпустил бы меня на вокзальной площади, или на всякий случай «шлепнул» чужими руками? Тот сержант, явно хотел свести со мною счеты, за войсковой «УАЗ».

Приемный отец Наташи заканчивает обращенную ко мне похвальную речь. Я вздыхаю: что это он, на самом деле? Почти все, кого они преследуют ради каких-то мифических целей, это мои друзья. Какое сотрудничество?

– Ну... спасибо за добрые слова и отпустите, пожалуйста, домой. Устал я очень! – говорю это на русском. Прикидываюсь, что плохо знаю второй язык. Не слишком законспирированный намек на различие моего и их пути, на то, что река крови вышла из берегов и смела мосты взаимопонимания между народами.

Меня понимают правильно – не первый год знаем друг друга. Некоторые опускают глаза. Отчим Наташи выходит в соседнюю комнату с рацией, затем, вернувшись, говорит мне:

– Иди во внутренний дворик, посиди у малой проходной. Тебя заберут, отвезут домой на нашей машине. Тебе хватит на сегодня приключений. От имени народного фронта – спасибо!

Теперь я «Ваньку» не ломаю, не делаю вид, что мне неясно значение его слов. Домой – это прекрасно! Честное слово, даже не верится!

Выходя из конференц – зала, я слышу, как члены комитета «берутся» за Эльдара. Отвечая им, он срывается в фальцет. Ничего, выкупают в помоях и обязательно объявят его героем. Как знал, что живу, чтобы кому-нибудь сделать карьеру!

В коридоре я останавливаюсь, увидев, что Эмин освободился. Он потрясающе талантлив, у него будет блестящее будущее. Если оно вообще будет здесь, это будущее. Заметив меня,

Эмин достает пачку дешевых сигарет, зажигалку с позолотой, и выходит из своего временного пресс-центра ко мне.

– Ты как у нас оказался, Гриша? – спрашивает он.

– Да вот, – говорю я, доставая сигарету из-за уха, – во всем городе огня не смог сыскать, зашел к вам прикурить!

– Ха-ха! А чего вместе с Эльдаром?

– Привязался по пути, обещал вашим фирменным табачком угостить!

– Ох, Гриша, ты не меняешься!

– А с чего? На работу не хожу, ее нет, день и ночь сплю!

– Заметно, какие у тебя глаза заспанные! Черный Вагиф случайно не снился?

– Мои сны – это теперь ваша гос. тайна. Кстати, Эмин, черный Вагиф – это не тот гад, что любил людям головы ножовкой отрезать?

– Ага, Гриша, он.

– М-да... нет, Эмин, мне, официально, только бабы снятся. Ты чего путаешь.

– Путаешь у нас обычно Эльдарчик. Свои делишки с чужими подвигами... эх, надо идти работать! Ты молодец, Гриша, и я напишу про это, не завтра и даже не послезавтра, но обязательно, обещаю!

– Ты лучше напиши про тех, кому выгодно, когда брат идет на брата, отец – на сына, а мать убивает свое дитя, рожденное от инородца! О том, что не только живых выгнали из домов – мертвых вышвырнули из могил! О том, что мы все, независимо от национальности, сошли с ума! Что мы будем стыдиться смотреть в глаза уже следующему поколению! Что убитые, они будут идти с нами всю жизнь! И что после нашей смерти нам вспомнится каждый плач, каждый крик о помощи, каждая слеза!

На нас оглядываются. Эмин, не обращая на это внимания, вспыхивает и говорит громко:

– А что я, по-твоему, делаю? – затем сутулится, обмякает и добавляет тише, – вернее делаю, что могу. И лучше я, чем другой. А то, что сейчас не печатают, обязательно издам. После. Обязательно..., – его взгляд устремляется вверх и замирает.

Кто-то из проходящих мимо случайно задевает его локтем. Эмин, очнувшись от размышлений, делает последнюю затяжку и, протянув мне на прощанье руку, убегает к своим стенографисткам.

И чего я к нему пристал? Он же интеллигент, значит, что все время сомневается, мучается, но ищет. Рано или поздно он разберется в себе и в том, что происходит с нацией. Во всяком случае, я хочу на это надеяться.

Дойдя до конца коридора, я спрашиваю у бородатого, прокопченного костром боевика:

– Салам, друг! Как пройти во внутренний двор?

Он долго и пристально смотрит на меня. Похоже, оскорбился, что я, с такой русской рожей, подошел к нему и сказал «салам». Глядит по сторонам, словно ищет, кому бы пожаловаться на мое панибратство. Никого не найдя, он с каменным выражением лица отодвигается в сторону и широко распахивает дверь, которую, видимо, поставлен охранять. Недобро ухмыляясь, говорит отрывисто:

– Сюда!

– Спасибо! – благодарю я боевика не очень любезным тоном и начинаю спускаться вниз по узкой лестнице, сделанной в здании на случай пожара.

Иду, а спина у меня словно дымится от взгляда его черных глаз. Такое чувство, что бородач хочет выстрелить мне в затылок. К счастью, тут происходит очередной сбой в электропитании города, и лампочки гаснут. В крошечной тьме я спускаюсь на несколько лестничных пролетов вниз, пока не упрусь в шершавую стену. Похоже, пропустил выход и оказался в подвале.

Неожиданно, в двух метрах от меня, медленно открывается толстая железная дверь. Она выпускает из подземелья драмтеатра узенькую полоску аварийного света и крики, полные страдания.

С часто бьющимся сердцем, на цыпочках, я быстро ступаю по лестнице обратно. Дают электричество, и на площадках зажигается свет. Я слышу, что из подвала несколько человек поднимаются, тихо переговариваясь. Наверное, у них есть связь с постом наверху, и теперь эти люди ищут меня.

В панике я мечусь по маленькому коридору, пробуя рукой все закрытые двери. К счастью, одна из них поддается, и выпускает меня во внутренний дворик. Ноги трясутся, когда я иду мимо красивого, отделанного белым мрамором фонтанчика. Гадкий город! Наверху комитет пытается выглядеть респектабельно, а в подвале тем временем пытаются в «интересах нации» по его указке! Надо же, кому поверил! С детства вместе! Жили соседями! Взяли, и по дружбе не больно зарезали. Тихо, торжественно и по сэ-эмейному! Ох, родная земля стала хуже иной тюрьмы. И не спрячешься, не пересидишь. Я не ушел со своими, и не остался с этими. Я потерялся на танкодроме. А на нем чудес не бывает, таких дураков, как я, давят гусеницами!

Я прохожу малую проходную. Ее охраняет болезненно полный, безбородый националист, увешанный пулеметными лентами. Он, шевеля губами, читает книгу в зеленом переплете. Я оглядываюсь на окна драмтеатра. Ну, чего ждут, почему не стреляют? Смерть, она же не устает! Однако выстрела нет, а толстяк, скользнув по мне взглядом, вновь возвращается к книге.

Я иду по тихой улице с таким чувством, будто у меня между лопатками светящейся краской нарисована мишень. Рядом со мной, выскочив на тротуар, тормозит милицейская машина с работающей мигалкой. Дверь распахивается, предлагая заглянуть в салон. Я наклоняюсь, чтобы посмотреть в глаза водителю, и неожиданно ощущаю знакомый аромат духов. Ната... Наташа! Это она сидит за рулем! Беззвучно смеется и зовет меня к себе. Я тянусь, чтобы поцеловать ее, но вместо этого, от усталости и переживаний, падаю на переднее сидение в полубес-сознательном состоянии.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ.

Утром пожилая женщина – врач собрала врачебную комиссию и потребовала у меня объяснить, где я был вечером. Естественно, рассказывать о происшествии возле колхозной гостиницы я не стал. В результате из больницы меня выгнали, как нарушителя режима.

И теперь я вынужден раньше, чем запланировал, ехать в местные телефонные сети, искать работу. На душе у меня, как и на небе, пасмурно, и словно вот-вот пойдет дождь. Больница была хоть и призрачная, но определенность, а теперь? Что будет, что ждет меня, как устроится? С деньгами плохо, хватит всего на несколько дней, а все, что можно, я уже продал.

Районный узел связи оказывается чистеньким, недавно отстроенным трехэтажным зданием. Поднимаясь по лестнице на второй этаж, к «начальству», я слышу, как секретарша в приемной болтает с подружкой по телефону. Когда я подхожу ближе, она заинтересованно стреляет в меня глазками, но своего занятия не прерывает. Подмигнув ей, я спрашиваю:

– «Сам» у себя?

– А где ж ему быть? – отвечает девушка и так задорно смеется, что я, не выдержав, смеюсь вместе с ней.

По-свойски помахав ей рукой, я прохожу в кабинет начальника. За большим офисным столом в кресле вижу мужчину лет пятидесяти с желтоватым, непропорциональным лицом. Он спрашивает меня, очень медленно выговаривая слова:

– Вы по какому вопросу?

– Здравствуйте! Я хочу оформиться на работу.

– Если вы без прописки, то свободных мест нет.

– Думаю, для меня найдутся! – мне терять нечего, я сажусь на стул для посетителей и выкладываю на стол свои документы.

Начальник вначале внимательно разглядывает меня, словно хочет понять, с кем имеет дело, и только потом принимается читать мои бумаги. Обращает внимание на похвальные грамоты. Минут через пять нажимает кнопку селектора и заказывает секретарше порцию черного кофе. Помедлив, добавляет, что для двоих.

«Ага!» – думаю я, – «проняло его все-таки!»

Неожиданно он откидывает в кресле и говорит:

– Может быть, вы сами расскажете, как тут оказались и почему пришли к нам? Мне необходимо уяснить, кто вы: человек случайный, желающий закрепиться возле Москвы? При удобном случае рванете в столицу? Или останетесь в нашем районе? – спрашивает он.

– Да вроде особенно нечего рассказывать! – не очень охотно отвечаю я, – события на национальной почве происходят сейчас везде, вы сами знаете! Почему-то развитая промышленность ассоциируется с русскими. Желая вытравить «русский дух», «национальные революционные массы» крушат индустриальные зоны и оставляют без работы всех, невзирая на лица. Я счел, что мне лучше уехать в Россию. Я не захотел подстраиваться под обстоятельства, терять профессию, изменять свою духовную идентичность. Была раньше мечта о карьере, деньгах. А теперь я просто ищу себя. Если Россия примет меня, русского, здесь, то мне большего и не надо! Что мне еще искать?

Я так разволновался, что стал задыхаться. Ну, не объяснишь ведь, в самом деле! Получаются так, слова!

– Мм... – произносит начальник, делает глоток черного «кофе» из цикория и задает вопрос, – а что вас интересует при приеме на работу? Кем будете работать? Зарплата?

– Наверное, зарплата, которая позволила бы снять что-нибудь, или само жилье, и тогда все равно, какая зарплата! – быстро отвечаю я.

Мне становится самому удивительно, как четко я сформулировал цель визита.

– Понятно...– говорит начальник и достает сигареты.

Курит он, как и соображает, медленно, и его не смущает, что я сижу и смотрю. Чувства не играют в его глазах, и мне трудно предположить, что у него в голове. Так и не притронувшись к своей чашке кофе, я, устав от паузы, принимаюсь собирать документы. Однако он говорит мне:

– Пожалуй, зайдите после обеда!

– Хорошо, я зайду после обеда! Но прошу вас учесть, что любая неопределенность крайне нежелательна. На данный момент я фактически живу в машине. Долго это продолжаться не может, поздняя осень, холодно.

– Люди, между прочим, ждут месяцами, если не годами. – Безразлично произносит мой собеседник.

На выходе я думаю, что я беседовал не с человеком, а с пустым креслом. Хотя никто и не обещал, что в России меня будут встречать с оркестром!

Однако во второй половине дня случилось невероятное событие: меня взяли на работу. Правда, с кое – какими оговорками. Начальник вручил мне ключ и сказал, что я временно буду жить в здании районного узла связи, на третьем этаже. Кем я буду работать, он скажет после выходных, в понедельник. А пока я должен познакомиться с главным инженером, он сам меня найдет. По результатам этой встречи и будет принято решение.

Жилой отсек оказался состоящим из двух отдельных комнат, наспех сколоченных для командированных монтажников, и отделенных от специального оборудования тонкой фанерной перегородкой. Одна комната уже занята семьей из трех человек, а моя та, что поменьше. Она выглядит так, будто в ней постоянно пьянствуют веселые компании. Казенная мебель загажена, бутылки из-под спиртного заполняют изрядную часть жизненного пространства. Сигаретный пепел поднимается с пола в воздух от малейшего движения, а окурков, как с губной помадой, так и без нее, набирается ведро.

После генеральной уборки, в которой помогает Саша, я распаковываю принесенные из «Москвича» картонные коробки, а друг, сидя на ободранном диване без ножек, смотрит по «убитому» телевизору хоккей. Матч заканчивается, и Сашка, уменьшив звук, продолжает наш, с полчаса как прекратившийся, разговор:

– Знаешь, Гриша, глаза мои видят, а не верят. Даже с поправкой на то, что ты холостяк, такую комнату здесь никак не получишь! Люди, если хочешь знать, да что там люди, меня возьми в пример! Тебе повезло!

– Погоди, Саша, еще не известно, кем работать придется! Может быть, я откажусь!

– Да ладно тебе, Гриша! Когда берут разнорабочим, такие условия не создают!

– Какие условия? Туалет и на душ этажом ниже, а кухни вообще нет!

– Не пойму я тебя! Мы с детьми, вон как мучаемся! В общую баню за десять верст ходим!

Привередничаешь!

Наш разговор прерывается: на пороге комнаты появляется коренастый мужик старше тридцати, с недружелюбным взглядом.

– Здравствуйте! Если вы живете тут, тогда позвольте представиться, с сегодняшнего дня я ваш сосед! – говорю я как можно вежливее.

Мужик чешет короткими и толстыми, как сардельки, пальцами, выпирающий живот и басом говорит:

– Я ничего не понял.

– Юрий Петрович думает принять меня на работу, и временно разрешил жить в этой комнате. Окончательное решение вопроса он отложил до понедельника. Ему нужно посоветоваться с главным инженером.

– Странно! Ну, странно! Технических специалистов у нас хватает! – неопределенно говорит мужчина, холодно блестя глазами. Из-за его спины выглядывает женщина. Она держит за руку мальчика лет пяти. Мальчик улыбается мне, и я говорю малышу:

– Дружочек, меня зовут дядя Гриша!

– Сашок! – пискляво произносит он, ковыряя в носу.

– А ты тезка с моим другом! Его зовут дядя Саша.

На лице мужика мелькает секундное замешательство, после которого он решает представиться:

– Андрей. Жену – Марфа.

– Очень приятно, – говорю я.

Хотя, если честно, это совсем не так: они продолжают стоять, бесцеремонно разглядывая меня и мои вещи. Спустя минуту Андрей, оглушительно чихнув, спрашивает:

– Григорий, а не твоя ли машина стоит внизу, у входа?

– Моя. Я вещи разгружал. Сейчас спущусь, переставлю.

Но Андрея волнует не то, что моя машина мешает пешеходам. Он хмуро говорит:

– А ведь я твой ровесник, Григорий! Но все ножками хожу. Ты откуда?

– Из земли восточной.

– Друга я твоего, на «Жигулях» видел. Тоже оттуда? – интересуется Андрей.

– Да. – За меня говорит Саша.

– Зачем к нам приехали? – Недобро хмурясь, спрашивает Андрей.

Я против воли начинаю «заводится», и с вызовом говорю:

– Да вот, прошел слух, здесь денег много. Да заработать их толком не могут. Ума не хватает. Решил помочь. Пару лет у вас поживу, и «Мерседес» куплю. Не все же на «Москвиче» ездить!

Андрей понимает, что я смеюсь над ним. Запыхтев, он измеряет мою фигуру взглядом. Я ничего не имею против. Фигура у меня хорошая, атлетическая. Этот факт Андрея огорчает. Однако при своей коренастости он привык вести себя вызывающе. Желая показать себя хозяином положения, он снимает с головы меховую шапку, бросает в руки жене и говорит:

– Марфа, иди к нам, жрать приготовь!

Женщина воспринимает такое обращение как должное, уходит сама и уводит ребенка. А Андрей без разрешения проходит и располагается рядом с Сашкой на диване. Друг вспыхивает лицом и собирается сказать Андрею неприятное, но, глянув на меня, удерживается. Я же нахожусь перед дилеммой: с одной стороны, не мешало бы сразу поставить хама на место, с другой – мне в понедельник идти в отдел кадров. Скандал, пусть и небольшой, может все испортить. Доброта спасет мир? Почему бы и не попробовать?

– Андрей, у нас есть идея обмыть новоселье. Ты как, не хочешь присоединиться? – чтобы предложение не выглядело пустыми словами, я ставлю на стол бутылку коньяка.

Вероятно, у меня проскакивает нарочитость, или соседу нужен повод, но он, передернувшись всем телом, ревет:

– Я не алкоголик, и ты, черный, меня так не «купишь»!

– Ну, во-первых, я не черный, а такой же русский, как и ты. Просто смуглый с детства. И, во-вторых, разве я сказал – алкоголик? Мы собирались выпить, и просим тебя помочь с закуской. Заодно и поучаствовать. Кстати, стаканов у меня тоже нет, так что тебя сама судьба послала!

Андрей закидывает ногу на ногу и с небрежным видом рассматривает бутылку. Его брезгливая гримаса расстраивается, а брови взлетают от удивления. Он спрашивает:

– И сколько стоит такой коньяк?

– Не знаю. Мне его подарил старик-коллекционер, когда я ему помогал с отъездом. Сказал, что это нектар дружбы и любви. По-моему, пришло время проверить, правда ли это.

Андрей потирает подбородок. Заметно, что он заинтригован. После внутренней борьбы, отразившейся на его лице, я слышу:

– Хорошо, раз жить соседями, так уж и быть. Пойду, гляну, что у нас в холодильнике!
– он встает и уходит.

– Гриша, я тебя таким благоразумным еще не видел! На кой ляд он нам нужен? – с возмущением произносит Саша.

Я прикрываю дверь и сажусь на стул, потирая виски. Потом говорю устало:

– Видишь ли, Саша, за весьма короткий срок я убедился: насилие вызывает только насилие. Война, хочешь ты этого или нет, заставляет искать мир, мир с самим собой и окружающими. Вот этот Андрей такой, а по каким критериям можно судить, что я лучше него?

Я чувствую, что задыхаюсь, и останавливаюсь. Кажется, при всем моем красноречии, я впервые не могу ясно выразить, что меня волнует. Тогда как же я собираюсь жить по принципу, который не осознаю, и, возможно, никогда не пойму до конца?

Дверь распахивается, в комнату входит Андрей с подносом. На нем мы видим стаканы, нарезанный ломтиками хлеб и кусок сала. При виде еды мне хочется, по русскому обычаю, троекратно расцеловать Андрея. Я почти с умилением смотрю, как он ставит поднос на стол и садится на прежнее место. Дружелюбия в его взгляде не появилось, похоже, Андрей сам изумляется, как это он пошел на поводу у такой дурной компании. Я быстро разливаю коньяк по стаканам, и, будучи виновником торжества, говорю тост:

– Я хочу пустить на этой земле корни. Пусть они не будут корнями зла!

Пьем не торопясь, смакуя. Андрей, проглотив последнюю каплю, выражает общее мнение:

– Хо – ороший коньяк!

Правда, он закусывает его салом, что похоже на вкусовое извращение. Сашка, борясь с клокочущим в горле смехом, ставит пустой стакан на стол, говорит:

– Ну, парни, извините, а мне до своей бабы пора. Я завтра заскочу. Прощу вас, не напивайтесь до тумана в глазах. Без меня! – после чего пожимает нам руки и уходит.

Я остаюсь с Андреем. Он, почесывая живот, спрашивает, как ни странно, уже вполне спокойно:

– А чем ты тут думаешь, кроме работы, заняться? Может, торговлей? У восточных, это принято. Или землю возьмешь, дом будешь строить? Квартиру на нашем предприятии и за тыщу лет не дадут!

– Да так, пока без направлений. Прожил день, и ладно. Вот, с тобой подружусь, еще с кем-нибудь. Возможно, на душе веселее станет. Тогда планы и появятся! – говорю я, вяло кушая краюшку хлеба.

– А я, в общем-то, такой же, как и ты, – зевнув, говорит Андрей, – только не беженец, а беглец. Спасаясь от радиации. Сколько моему сынку лет? Думаешь, пять? Нет, я скажу тебе – семь. В школу надо отдавать, а он не растет совсем. Мы недалеко от Чернобыля жили... а, не буду про это, давай еще по чуть – чуть, а?

– Давай! – охотно соглашаюсь я.

Оказывается, и с такими, как Андрей, можно найти общий язык, стоит только постараться. Чего многие как раз не хотят делать! Я собираюсь предложить тост за всеобщее человеческое братство, когда в комнату проникает Марфа. Она, кося глазами на бутылку, визгливо говорит:

– Сами пьют, а меня не зовут! Бесстыдники!

– Нашла о чем горевать! Присоединяйся! – приглашаю я.

Однако Андрей реагирует совсем по-другому. Он кричит на жену так, что стаканы на подносе звенят:

– Марфа, пошла к себе!

Марфа (видимо, сказывается длительный опыт супружества) кричит на мужа не менее яростно:

– Сам пошел!

Лицо Андрея краснеет, и становится ясно, что будет скандал. Я чувствую себя крайне неудобно. А Марфа, вначале показав, что она не из пугливых, затем демонстрирует, что она и не из стеснительных: берет стакан, сама наливает изрядную дозу спиртного и тут же выпивает.

– Эх, хороша горилка! – говорит она.

Вытерев губы тыльной стороной ладони, садится на диван возле мужа. От принесенного с собою сала откусывает кусок и с чавканьем жует. Побагровевший Андрей поворачивается к жене всем корпусом, подносит к ее носу кулак и шипит:

– Выпила? Довольна? А теперь иди в нашу комнату, я тебе сказал!

– Ты чего командуешь? кулак? Я не батрачка! Я познакомиться желаю! Бабы говорят, восточные мужики денежные, не то, что ты, нищий дурак!

Андрей, более не выдержав, хватая жену за волосы. Но стычка между мужем и женой в потасовку не переходит: неожиданно в комнату входит мужчина лет пятидесяти, похожий на цыгана с достатком. По глазам мужчины видно, что он пьян. Впрочем, это никак не отражается на его голосе, когда он говорит:

– Андрей, почему тут? Немедленно убирайся отсюда со своей компанией!

Андрей сразу забывает про жену, вскакивает, и голосом, срывающимся от гнева, произносит:

– Тебе Юрий Петрович сколько раз говорил, чтобы ты сюда не являлся? А если я тебе рожу разобью?

В коридоре слышится женский смех. Мужик, оглянувшись, затем с усмешкой говорит Андрею:

– С моими связями, кто такой Юрий Петрович? Тьфу. А что касается тебя, так только дернись! Завтра уволю, работяга паршивый!

Андрей поднимается, зачем-то рвет у себя на груди рубашку так, что все пуговицы летят, и в испуге кричит:

– Кого уволят завтра, мы еще посмотрим, а тебя, гниль поганая, уже сегодня в гроб положат!

Я со вздохом встаю. Определенно, у мужиков давнишние претензии, и они не обойдутся без моего участия. У меня талант «влипнуть» в историю! Серьезная драка – это вам не несколько затрещин жене, как намечалось в программе вечера до этого.

А Марфа тем временем картинно плюет под ноги мужику, а затем, вставши рядом с мужем, кричит:

– Ты опять сюда сучку привел, старый хрен? Сколько можно? У нас ребенок за стенкой!

– Марфа, убирайся! – говорят ей мужик и Андрей одновременно.

Однако Марфа оказывается дамой не из робкого десятка, и первой переходит в наступление: пытается залепить оплеуху мужику. Он грубо и сильно отталкивает ее, и тогда Андрей, правда, немного сдерживая удар, демонстрирует неплохой хук справа. Мужик не остается в долгу: оттолкнув вторично подбегавшую Марфу, он хлестко бьет Андрею под дых. Андрей, охнув, ослабевает в коленях.

Через секунду Марфа вызывает возмущение воздуха невероятным по силе и высоте звука визгом, а мужчины стоят, сцепившись мертвой хваткой. Но мне совсем не нужно, чтобы эта драка продолжалась, и я просовываю между мужиками руки. Хотя они по плечо мне, разорвать их стоит больших усилий! Андрей горизонтально падает на диван, а его противник через дверной проем вылетает в коридор. Я быстро захопываю дверь и закрываю на задвижку. Андрей, поднимаясь, неуверенно говорит:

– Пусти, пусти его!

– Ни за что. – Говорю я и спрашиваю, – кстати, а кто это?

Дверь за моей спиной ходит от ударов ходуном, в коридоре слышен женский голос и неразборчивая ругань мужика.

– Наш главный инженер. В эту комнату он, как выпьет, баб таскает. А пьет он каждые выходные, – говорит Андрей, и, судя по лицу, злорадствует, видя, как мне неприятно такое известие.

Пока я думаю, как лучше выкрутиться из этой ситуации, стук неожиданно прекращается. Я слышу за дверью незнакомый мужской голос:

– Что здесь происходит?

Я понимаю, что ситуация изменилась, появилось новое действующее лицо. Кто бы это мог быть? Я отпираю дверь и выглядываю. В коридорчике стоит лейтенант милиции. Он вонзает в меня взгляд и спрашивает:

– Может быть, вы скажете, что здесь происходит?

– Культурно отдыхаем, – отвечаю я, думая обернуть все шуткой.

– Тогда почему государственное имущество ломаете? – интересуется милиционер.

– Ломаем? – я пожимаю плечами, – еще ничего не сломали, лейтенант!

Милиционер проходит в комнату, неторопливо осматривается, упирает в меня испачканный чернилами палец и говорит:

– Кто есть кто, всех знаю, кроме вас!

– Росланов Григорий Алексеевич, временно вселен сюда начальником этой организации.

– Так..., – произносит лейтенант и погружается в раздумье.

Откуда он взялся? Наверное, проходил мимо, и его позвал ночной сторож. На все здание было слышно, как мы шумели.

– Лейтенант, все в порядке, все свои! Андрей, еще увидимся! – вдруг говорит главный инженер, берет свою женщину под руку, и они уходят. Лейтенант их не задерживает. Внимание милиционера целиком сосредоточенно на мне. Он спрашивает:

– Чья машина стоит у входа? Ваша?

– Моя! – немного помедлив, неохотно отвечаю я.

– Вам придется пройти со мной. – Монотонно, как автоответчик, говорит лейтенант.

– Зачем? – возмущаюсь я.

– Там узнаете! – тем же голосом говорит лейтенант.

Андрей завязывает порванную рубашку узлом на голом пузе, словно это у него самый что ни на есть обычный способ носки рубах, и обнимает Марфу за плечи. Едва ли не воркуя, говорит ей:

– Посидели в гостях, а теперь пойдем. У нас там ребенок заперт! – и супруги тоже уходят.

Я думаю, что это подло: они устроили между собой скандал, подрались, а потом, будто и не было ничего, разбежались. Никак не ожидал, что окажусь крайним в подобной ситуации.

– Лейтенант, пойми, я тут вообще ни при чем! Я с ними познакомился час тому назад! У них счеты, а я буду козлом отпущения?

– Об этом мы поговорим в отделении! – говорит милиционер и делает мне приглашающий к выходу жест рукой.

– Да никуда я не пойду! И так устал. Составляйте протокол здесь! Они куролесят, а я по отделениям шатаюсь?

– Не пойдешь, вызову наряд, поведем. Но учти, тогда хуже будет!

Я чувствую такой гнев, какой давно уже не испытывал, но, стиснув зубы, подчиняюсь.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Лейтенант заставляет меня поехать не в участковый пункт, а районное отделение милиции. Я недоумеваю, зачем тащится так далеко, но ничего не спрашиваю. Едва мы останавливаемся перед совсем еще свежим (краской пахнет) одноэтажным заданием, на его крыльцо выходит худощавый майор. Его лицо невзрачно, форма поношена, однако в нем есть нечто неуловимое, что позволяет предположить, что он не так прост, как выглядит. Лейтенант подводит меня к нему, вытягивается в струнку до хруста в костях и докладывает:

– Доставил, товарищ командир!

Майор прошупывает меня цепким взглядом, от которого по коже бегут мурашки. Говорит лейтенанту:

– Пока отдохните, оперуполномоченный! – А затем, обращаясь ко мне, – а ты, родной, пойдем!

От многозначительных глаз майора пульс у меня становится чаще. Не похоже, что будет разбор банального происшествия с выпивкой и дракой. Я иду с майором в камеру, где он предлагают мне сесть на перемотанную изолентой скособоченную табуретку. Сам становится напротив и говорит:

– Ну, рассказывай!

– О чем? – удивленно спрашиваю я.

Молоденький сержант, сопровождавший нас от дежурной части, заливается в смехе высоким фальцетом. Это звучит на редкость неприятно. Видимо, майор считает также: стиснув зубы, он смотрит на подчиненного так, что заставляет его поперхнуться. Я говорю майору:

– Вы задавайте наводящие вопросы, я пойму, чем могу быть полезен.

Майор неожиданно обращается ко мне, коверкая слова, на языке востока:

– Как зовут?

– Григорий Россланов. – Отвечаю я, и, изумленный, задаю вопрос, – А вы знаете язык?

– Выучил немного, когда послали к вам порядок восстанавливать! – отвечает он.

– Что же не восстановили? Сделай вы это, я, русский, сейчас не жаловался бы на злой рок!

– Хороший вопрос. Жаль, вопросами стрелять нельзя. – Усмехнувшись, говорит майор.

– Стрельбой только кладбищенский порядок устанавливается! – решительно выражаю я свое мнение.

– Григорий, с русскими теперь нигде не церемонятся. И нам нужно вести себя так, чтобы нас не просто зауважали, а вновь на коленях перед нами ползали!

– Неужели вы всерьез считаете, что в этом и есть смысл существования русского человека на земле? Внушать страх другим народам? – интересуюсь я.

– И страх внушать, и доминировать во всем! Быть победителем – это историческая миссия русской нации!

Я собираюсь возразить ему, но майор обрывает меня энергичным жестом, и, перейдя на русский язык, говорит:

– Вернемся к нашему делу. В местной колхозной гостинице обнаружили двоих ваших земляков, а также труп, от которого они отрешиваются. Эта парочка давно была у нас на учете, и, насколько мы знаем, убийство – не их стезя! Что же случилось? Разве не загадка? Что вы можете сообщить по этому вопросу?

Я высказываюсь так, чтобы в моем голосе звучала «железная» твердость:

– Ваша загадка не имеет ко мне никакого отношения.

Майор грустно вздыхает и неохотно кивает сержанту за моей спиной. Я не успеваю сообщить, к чему это он, как получаю сильный удар по затылку. Табуретка подо мной развалива-

ется, и я падаю на пол. Сержант валится на меня сверху. Стиснув зубы, я пытаюсь подняться, однако получаю в лицо струю из баллончика со слезоточивым газом. «Будет приступ, задохнусь навечно!» – с ужасом думаю я, и теряю сознание.

Неизвестно, сколько проходит времени до того, как я открываю глаза в обычной комнате для допросов. Я лежу на стульях у окна. Рукав рубашки у меня поднят, на сгибе локтя видны следы от уколов. Ага, скорую помощь вызывали! Я медленно сажусь. Голова раскалывается, в легких такое чувство, будто их доверху засыпали песком. Кто-то заглядывает в глазок двери, и вскоре появляется майор с магнитофоном. Он вставит его на стол передо мной и холодно спрашивает:

– Сообщите ваше имя, фамилию, место рождения!

Делая перерывы на дыхание, я скрипучим голосом сообщаю все требуемые данные.

– Вы вчера встречались вне больницы с Панковой Настей? – спрашивает резко, будто гвоздь забивает.

– Встречался. – Я решаю не отпираться без необходимости.

– Ваша встреча с Панковой была обусловлена заранее, или произошла случайно? – майор взглядом ищет на моем лице признаки смятения.

– Случайно. – Твердо говорю я.

– Как вы объясните факт, что водитель грузовика видел вашу машину возле колхозной гостиницы и узнал Панкову, когда она махала ему рукой? – майор выкладывает козырь и ждет, что я скажу.

Я думаю, что это серьезно, есть свидетель, меня могут посадить в тюрьму, и надолго. Но потом решаю, что ни за что не сдамся сам. Если они не «расколют» Настю, то у майора точно глухарь. Мои земляки не имеют обычая рассказывать властям о происшествиях в своей среде. Скорей всего, мне нужно бояться не майора, а их. Они наверняка будут искать возможности отомстить. И уж точно не при помощи милиции и суда.

– На обочине, в кустах, моя машина стояла, не скрываю. Но время с Настей проводил так интенсивно, что по сторонам не смотрел. Больше я вам ничего не скажу. Хоть еще раз меня убивайте! – я выделяю последние слова и начинаю с такими хрипами дышать, что самому становится страшно. Майор хмурится. Заметно, что ему очень хочется поработать «как следует». Однако случившийся приступ, который мог оказаться смертельным для меня, вызывает у него опаску.

Меня держат в милиции еще час. Я молчу, как рыба, и в результате выхожу на свободу с подпиской о невыезде. Добравшись до комнаты в узле связи уже под утро, я, как был в верхней одежде, падаю на диван и замираю, уткнувшись носом в вонючую обивку.

Неправда, что мужчины не плачут. Просто у них слезы не текут.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Прошел месяц. Сегодня пятница, я опять лежу на том же диване. Конечно, с той, первой пятницы, много чего случилось, но все как-то пролетело мимо моей души и памяти. Я почти сразу втянулся в рабочий режим, и один за другим потекли серые дни под мрачным осенним небом.

Помню, как Юрий Петрович спросил меня, когда я пришел к нему утром в понедельник:

– Какие события тут были, молодой человек, за выходные дни?

– Ваш главный инженер приходил ко мне два раза. – С хмурым лицом сообщил я.

– Как прошли встречи? – поинтересовался Юрий Петрович.

– Выбрал я вашего главного инженера. Первый раз за дверь комнаты, второй – из здания.

– Он угрожал? – с непонятной мне интонацией задал вопрос собеседник.

– Да когда он вылетал из здания, я бы не сказал, что очень. И как вы теперь будете советовать с ним по поводу моего трудоустройства? – с искренним недоумением спросил я.

– Главный инженер взял больничный на неделю. Получилось даже лучше, чем я рассчитывал, – улыбнулся Юрий Петрович, – так что вы приняты, идите, работайте!

– А куда? – еще не веря в свое счастье, спросил я.

– Возьмите в цеху монтеров потрезвее, поезжайте в поселок Дальний монтировать новое оборудование.

– Задание ясно, а потрезвее – это как?

– Да свалится с телефонного столба, или не свалится. – Опять улыбнулся Юрий Петрович.

Так начались мои трудовые будни. Я очень надеялся, что обычный рабочий ритм, от которого я почти отвык, скажется положительно на моей психике. Наверное, это так и случилось, а я просто не заметил

Но сегодня вдруг выпал первый снег. Много. Кому как, а мне диковинка. Прикрыл черную наготу природы, стало красиво. К тому же тучи поднялись. Нет, остались такими же серыми, как и были, но перестали давить на меня. Это хорошо: можно думать и не забывать!

К примеру, о еде! Я хотел купить продуктов, сложить в своей комнате и потреблять по мере надобности. Но оказалось, что для этого нужны талоны. Их в поселковом совете мне выдали, только я все равно ничего купить не могу. Во всех магазинах, что в округе, продукты или еще не привезли, или они уже кончились. Мои талоны, так же, как и заработанные деньги, почти бесполезны.

Хорошо еще, что в районной столовой пока кормят всех желающих. Меню изо дня в день состоит из одной строчки: вырмышель (запомнил в точности по буквам!). В отличие от традиционной вермишели, это блюдо имеет цвет сырой резины, и у него нет вкуса. Зато вприкуску можно сколько угодно пожирать глазами девушек в прозрачных белых халатах всегда модного покроя «нечаянный стриптиз». Девушки меня уже хорошо знают. Едва я вхожу в столовую, кричат точь – в – точь, как электромонтеры в цеху:

– А-а, наш черный пришел!

К «черному» я уже привык, и не обижаюсь. Кушать-то хочется!

Из соседней комнаты доносятся звуки, сообщающие, что Андрей вернулся из очередной краткосрочной командировки. Сразу между супругами затевается привычная ссора. Я не хочу ее слушать, и отправляюсь в душевую.

Вернувшись, я обнаруживаю, что на моем диванчике сидят, пуская кольца дыма, двое: Саша и... врач Головань! После того, как мы здороваемся, Сашка объясняет неожиданный визит:

– Еду с работы, вижу, доктор на остановке ловит попутную машину. Задержался у больного, а последний автобус ушел. Подобрал его, он живет там же, куда ты переезжаешь. Чем ему на улице мерзнуть, пусть посидит в тепле, подождет, пока ты соберёшься. Благо, у тебя вещей мало. Поедешь, заодно и подвезешь человека!

Я долго вытираю влажные волосы полотенцем, а затем, старательно скрывая смущение, спрашиваю у Сашки шутливым тоном:

– Так – таки переезжаю?

– Опять двадцать пять! – многозначительно глянув на врача, Сашка тактично принимается напоминать мне, – поселок Дальний, первое общежитие, комната двести семнадцать. Сам мне рассказывал, что ключ у начальства уже получил! И как рад, что сегодня у тебя в этой халупе последний день!

Наверно, я выгляжу жалко. Сашка так уверенно рассказывает мои планы, что я теряюсь и не знаю, как себя вести. Рассеяно побродив по комнате, я будто невзначай залезаю в карман куртки. Мои пальцы находят и извлекают на свет ключ с выцарапанным номером «двести семнадцать». Однако! Тут я замечаю, что Головань смотрит на меня, как в больнице при обходе, и взрываюсь:

– Саша, ты доктора притащил, чтобы он занялся моим беспамятством?

– Успокойтесь, я к вам попал случайно! Я терапевт и лечу только обычные болезни! Так что собирайтесь, время позднее! – немного раздраженно говорит Головань и бросает взгляд на часы. А Сашка краснеет и отводит глаза. Надо же, думает, что я схожу с ума. Но даже если это так, то все равно хочется оттянуть момент официальной регистрации моего безумия.

Я пакую вещи весьма беспорядочно. Саша помогает мне, вдохновенно рассказывая про очередную не то «козочку», не то «кошечку». Его рассказ заканчивается одновременно с моими сборами. Я быстро одеваюсь, друзья берут по чемодану, и мы идем к моему «Москвичу». Пока я грею двигатель, Саша спрашивает:

– Проводить тебя до общежития, или сам доберешься?

– Не надо. Если что, Головань наверняка знает дорогу, покажет. Ты поезжай к себе, а то бабка в избу не пустит! – говорю я.

– Какая бабка? Мы, как две недели, сняли однокомнатную квартиру в пятиэтажном доме! Ты же нам ее и нашел! – удивляется Сашка.

– Да? На счет бабки, я так, ну, Лену так назвал. К слову. В общем, потом поговорим, видишь, Головань заждался! Пока! – я, избегая смотреть Сашке в глаза, несущая чушь, пытаюсь как-то выкрутиться.

Уже двигаясь по трассе, я спрашиваю у Голованя:

– А бывает, что из памяти месяц жизни вываливается?

– В России у мужиков порой полжизни «вываливается», и все ничего!

– Я не из подобного контингента. – Недовольно говорю я.

В ответ Головань таинственно улыбается в полутьме салона. Оставшийся путь мы молчим, лишь он иногда ненавязчиво напоминает мне направление.

В общежитии номер пять поселка Дальний, в двести семнадцатом номере, я нахожу популярный журнал, а в нем кроссворд с моими каракулями. Это сильно портит мне настроение. У меня не вызывает радости даже то, что эта комната гораздо просторнее и лучше обставлена, чем та, что я покинул.

После того как мы заносим мои вещи, Головань неожиданно предлагает:

– Григорий Алексеевич, а пойдёмте ко мне!

– Спасибо. Пожалуй, я откажусь. Устал, и разложиться надо.

Тем не менее, он настаивает, мотивируя тем, что в это время суток в поселке поужинать негде, а продуктов, как он заметил, у меня нет. Мысль о том, что я могу отойти ко сну голодным, делает меня более сговорчивым.

Доктор, бодро шагая летними туфлями по хрустящему снегу, приводит меня к многоэтажному дому. Дверь нам открывает его жена. Лицо у нее заспанное, мягкое. Она говорит хриплым голосом:

– О, как неожиданно! Обычно к нам никто не приходит. Володя не любит гостей.

– Почему? – из желания поддержать разговор, интересуюсь я.

– Проходите, располагайтесь! Я ненадолго! – вместо ответа пространно говорит она и уходит на кухню.

Мы проходим в гостиную. Оглядывая комнату, почти лишенную мебели, я замечаю на стене написанную маслом картину. Она талантлива, но совершенно безумна. Мое внимание к ней неприятно Голованю. Поэтому я отвожу взгляд и задаю нейтральный вопрос:

– Жилплощадь своя или служебная?

– Своя. Получили, как молодые специалисты. – Отвечает Головань так, будто обдумывает каждое слово.

– Повезло...– говорю я, думая, чтобы еще спросить.

– Повезло. – Соглашается Головань, а затем, повысив голос, интересуется, – Маш, где ты там? Поесть организуешь?

– Обожди, приведу себя в порядок! – слышится из кухни.

Головань просит меня снять рубашку, и, слушая мои легкие, говорит:

– Вам непременно нужно бросать курить. А..., – он немного колеблется, потом решается сказать, – проблемы с памятью, так это потому, что у вас тяжелейшая депрессия. Вы никак не можете принять новую для вас среду, живете в прошлом. Заведите девушку, это вам поможет!

Я краснею и не знаю, что сказать. К счастью, с подносом появляется Маша. По ней не заметно, чтобы она привела себя в порядок. Пожалуй, лишь глаза лихорадочно заблестели. Странно, от нее не пахнет, а то можно было бы подумать! Головань, присмотревшись, резко спрашивает у жены:

– Маша, где сын?

– Кажется, спит в своей кровати. – Неуверенно отвечает она.

– Сходи, посмотри! – говорит Головань

Маша уходит, странно покачиваясь. Головань из-за поведения жены нервничает, но любезно предлагает мне:

– Давайте покушаем!

Но тут из соседней комнаты слышится плач проснувшегося ребенка. Володя сразу оставляет меня и убегает туда. Мне становится ясно, что я сейчас не ко времени. Не ожидая, когда хозяин вернется, я тихо покидаю квартиру.

Мысли, навеянные событиями сегодняшнего дня, терзают меня долго. Я не могу уснуть даже тогда, когда, уже лежа под одеялом, съедаю бутерброд с деревенским творогом, который я взял у врача.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Спустя неделю меня будит звонок телефона. Я открываю глаза, недовольно смотрю на симпатичный красненький аппарат, что себе установил, и, отчаянно зевая, снимаю трубку.

– Аллю.

– Гриша, это я, Саша, привет! – голос друга едва различим на фоне уличного шума.

– Привет... – говорю я и опять зеваю.

– Ты чего, спишь еще?

– Ага. А ты откуда звонишь?

– Из таксофона на углу. Сегодня же суббота, мы договаривались ехать в ГАИ! Забыл, что ли? – возмущается Сашка.

– Да помню, я помню! – неуверенно говорю я.

– Мороз такой, что ухо к трубке примерзает, пока ты соображаешь! Приезжай скорее!

– Не волнуйся, скоро буду! – говорю я, поднимаясь.

У Сашки мы сидим на кухне и слушаем, как Лена ворчит в мой адрес:

– Яичницу гостю дорогом! Да ты хоть одно яйцо принеси, я выставку устрою, буду его за деньги соседям показывать! Глотай манную кашу на воде и будь счастлив!

– Лен, ты уж прости, сам не знаю, как про яичницу вырвалось! – оправдываюсь я.

– Да ты не болтай, а ешь! Опаздываем! – говорит Сашка, стуча пальцем по стеклу наручных часов.

Сашкина младшенькая, смешная, в длинной ночной рубашке, выходит из комнаты с плюшевым мишкой в руках. Увидев меня, просит:

– Дядя Гриша, дай конфетку!

– Нет у меня, милая! – вздыхаю я.

В кухню вбегает старший, направляет на меня деревянный пистолет и спрашивает:

– Дядя Гриша, что такое плавленый сыр? Он плавает?

– Нет! Он желтый такой, как масло, но не тает, – объясняю я.

– А-а, наверное, не вкусный. – Смешно машет руками малыш.

– Да как бы тебе сказать, дружок...

– Гриша, перестань забивать детям голову всякой ерундой! Если хочешь поболтать, лучше скажи, почему Саша у тебя по вечерам стал засиживаться? Чем это вы там занимаетесь? Уж очень все подозрительно! – перебивает меня Лена.

Я так удивляюсь, что перестаю кушать. А Сашка, похожий на попавшегося шулера, толкает меня под столом ногой и говорит:

– Ну, ты, Лена, совсем! Уже и в нарды поиграть нельзя!

Какие нарды? У меня их нет, и играть я не научился. Какой Сашка подлец! Сколько раз предупреждал, что попадется! Хорошо еще, что у меня, на его счастье, характер мягкий! Я мямлю себе под нос:

– Да, Лена, а как нам отдыхать? Иногда хочется побросать камни вечером! У нас все чисто, успокойся!

Я заканчиваю говорить уже в прихожей, куда Сашка, чтобы избежать продолжения скользкого разговора, вытаскивает меня за руку. Мы быстро одеваемся и выходим на улицу, где Сашка преданно смотрит мне в глаза. Я, злобно выругавшись, отталкиваю его и иду вперед. Ведь сколько просил, если врешь, не вмешивай в свои истории!

В ГАИ я занимаю место в длиннющей очереди к окошку, а Сашка находит среди сотрудниц милиции очередную «знакомую» и уходит с ней «поболтать». Через полчаса он возвращается, отзывает меня в сторону и сообщает, что спецсвязи между бывшими республиками СССР

больше не существует. Подлинность наших документов подтвердить невозможно, поэтому они теперь, лишь никчемные бумажки. Я дико возмущаюсь и обещаю разнести отделение милиции вдребезги. Но Саша пытается успокоить меня тем, что можно купить новые регистрационные номера. Их продает начальник ГАИ, но к нему нужно подойти вечером. Ситуация мне ужасно не нравится. Только делать нечего, приходится соглашаться. Без машины я не смогу здесь работать, расстояния большие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.